

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Пламя над Босфором

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

**Княгиня Ольга.
Пламя над Босфором**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Пламя над Босфором / Е. А. Дворецкая —
«Автор», 2017 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-04-089186-3

Молодая правительница Руси Эльга, провожая в поход на Греческое царство своего мужа, князя Ингвара, надеется лишь на удачу и милость богов, ведь всё, что ей остается, – ждать вести о победе или поражении. Однако вдали от нее всё складывается так, как она и представить себе не могла. Князь Ингвар, оказавшийся на земле болгар без своего войска и вынужденный искать поддержки у союзников, должен сделать крайне непростой выбор: взять в жены красавицу Огняну-Марию, союз с которой спасет державу русов, или же сохранить в целости сердце любимой Эльги и, возможно, лишиться всего...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089186-3

© Дворецкая Е. А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Часть вторая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Пламя над Босфором

© Дворецкая Е., 2017

© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

Князю Игорю – который Рюрикович и он же Старый – очень не везет в литературе. Пишут о нем мало – меньше, чем о его отце, сыне, внуке. Да и образ получается малопривлекательный. У писателей за ним закрепилась репутация как минимум неудачника, человека слабохарактерного и неумного. В ряду таких исполинов, как Рюрик, Олег Вещий, Свято-слав, даже Владимир (фигура неоднозначная, но, безусловно, масштабная), Игорь, основатель династии Рюриковичей в Киеве, выглядит очень невыразительно. Бедный родственник какой-то, слабое звено в цепи богатырей. Статист в пьесе, посвященной его отцу, дяде, жене или сыну. Как будто на нем природа переводила дух между Олегом и Святославом.

А между тем жизнь Игоря прошла определенно не зря. На период его правления выпадает несколько значимых событий и военных кампаний, иные из которых летопись не связывает напрямую с его именем, а другие не попали в летопись вообще. Или были ею «подарены» другим персонажам. Например, основание Новгорода летописная традиция присвоила Рюрику, хотя археология показывает, что начало городу было положено в 930–950-х годах – а это эпоха Игоря. Присоединение к Киевской Руси Смоленска летопись отдала Олегу Вещему – а война за это присоединение разразилась опять же в середине X века при Игоре! При нем, около 940 года, состоялся поход руси на хазарский Самкрай (Тамань), а три года спустя – на Бердаа (нынешний Азербайджан); не будучи связаны с Игорем напрямую, эти походы, тем не менее, являются частью его внешней политики. Игорь имеет на своем счету походы на печенегов, покорение древлян и уличей. При нем состоялась очередная война с греками 941–943 годов и последующее заключение договора. Итого, не менее семи-восьми крупных военно-политических кампаний! Велась в его время и некая законодательская деятельность: в договоре руси с греками 944 года есть ссылка на «устав и закон Русский», притом что в предыдущем договоре, 911 года, есть ссылка только на «закон русский». А это значит, что при Игоре издавались княжеские законодательные акты («уставы»).

Поход 941 года принято относить к неудачным. Хотя Повесть Временных Лет говорит о нем так:

«И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли... Монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины – Панфир-доместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли...»¹ (Перевод Д. С. Лихачева)

Из этого следует, что русы наступали сразу в двух направлениях – ушли за 100 километров (до Никомедии в Вифинии) вдоль побережья Мраморного моря (за Босфором) и более чем за 300 километров на восток вдоль южного берега Черного моря (до Гераклеи в Пафлагонии). Сожгли Золотой Рог – залив, на котором стоит собственно Константинополь. Взяли большую добычу, а чтобы остановить их, понадобилось более сорока тысяч греческого войска. И то – «едва одолели». А поскольку в те времена целью любой войны считалось причинение противнику максимального ущерба экономических и людских ресурсов, то поход этот был для русов не так уж неудачен.

---

¹ Похоже, что с перечнем греческих военачальников летописец немного ошибся: в указанное время с русами в Малой Азии воевал доместик схол Востока Иоанн Куркуас, а некий Панферий сменил его в этой должности только в 944 году. (Здесь и далее – примечания автора.)

Тем не менее в литературе сложился образ Игоря – вечного недоросля, что до седых волос прожил под началом Олега Вещего, сходил в один неудачный поход, а потом принял позорную смерть по собственной жадности. Созданная летописцами дурная репутация Игоря Старого привела к тому, что о нем и писать почти никто не хочет. Мне известна всего пара романов, посвященных именно ему, но даже в них походу 941 года уделено очень мало внимания: буквально пара страниц. Битву в Босфоре укладывают в пару абзацев – а ведь это был не просто первый случай, когда русы столкнулись с «греческим огнем», но первый описанный случай в истории, когда русы либо норманны встретились с греками в морском бою! Хотя бы уникальностью это событие заслужило более подробного рассмотрения. Тем не менее писатели как будто стыдливо отворачиваются от Игоря и спешат перейти к эпохе Святослава, чья репутация куда лучше отцовской, хотя лучше ли итоги его деятельности?

Итак, если я не сильно заблуждаюсь, мне досталась честь написать первый роман о русско-греческой войне 941 года с подробным раскрытием темы – настолько, насколько это позволяет изучение материала. А позволяет оно немало, и завершение этой военно-политической кампании пришлось отложить до следующей книги, чтобы не комкать события, заслуживающие подробного изложения.

Часть первая

Прощальный пир шел с полудня, и толпы гостей в старой Олеговой гриднице сменились уже не раз. Здесь перебивал весь Киев, все старейшины полянских, древлянских, северянских городков, что съехались на проводы князя с дружиной. Не считая воевод тех земель, что отправляли свои полки с Ингваром на Греческое царство. Каждому из них князь поднимал чару:

– Пью на тебя!² Здоровья и удачи да пошлют тебе боги!

В ответ гость пил за князя и переворачивал пустую чашу вверх дном:

– Пусть у врагов твоих останется крови в жилах столько, сколько пива в этой чаше!

Княгиня Эльга, будто маков цвет в своем греческом платье из красного шелка с золотым шитьем, обходила столы, ласково приговаривая:

– Угощайтесь, гости дорогие! Что же вы не кушаете?

– Спасибо, матушка княгиня, мы кушаем! – отвечали ей бояре, вновь берясь за мясо и похлебку.

И собравшись воевать Греческое царство, уроженцы славянских земель тщательно соблюдали старинный застольный обычай. Съев по кусочку, откладывали ножи и ложки, и Эльга начинала снова:

– Что же вы не кушаете? Кушайте побольше!

Если не уговаривать, не станут есть, уйдут голодными и затаят обиду. Едва начинало темнеть, но у Эльги кружилась голова от усталости, в ушах шумело от голосов. Пылал огонь в очаге, по всей гриднице горели факелы; в глазах рябило от шевелящихся теней и пощипывало от дыма. Опустись веки – и в темноте вспыхивают солнечно-рыжие пятна.

Однако не стоило показывать своего утомления, и Эльга быстро открывала глаза, окидывала взглядом гридницу. Улыбалась царящему разгрому – столы завалены объедками и залиты пивом. Гости больше не в силах ни есть, ни пить – те, кто еще не заснул. На полу хрустят черепки, между блюдами валяются забытые поясные ножи. Челядь пыталась прибираться, но жареных бычьих туш было три, не считая более мелкой скотины и дичи, и груды костей вновь росли. Гусяры уже охрипли, золотые струны полопались, и теперь гриди и отроки пели кто во что горазд. Расстегнуты были нарядные кафтаны, беленые сорочки украсились пятнами; Гудфаст расшумелся, братья Любомил и Мысливец, сыновья Трюгге, вдвоем вели его спать, а он цеплялся за косяки и чего-то кричал...

Хотелось тишины и покоя, но княгиня не могла рано уйти с прощального пира. Сегодня будут гулять, пока не заснут прямо за столом самые стойкие. Завтрашний день нарочно отведен для отдыха, а послезавтра с рассветом – на весло. Не верилось, что уже через день в Киеве, Любече, Вышгороде и Витичеве настанет тишина. Собранное двадцатитысячное войско не могло поместиться ни в одном из городов – даже в столице, – и распределялось по четырем. Старый Черниговец в Любиче, Тормар в Витичеве, Ивор в Вышгороде сейчас тоже завершают такие же пиры. Послезавтра города опустеют, настанет покой...

Но эти мысли Эльга отгоняла прочь. Уже через два дня она будет о них жалеть. Она еще раз окинула взглядом гридницу, скользнула по растрепанным головам и помятым лицам. Несмотря на усталость, в груди стало тесно от тревоги и любви. Ей даже не надо было смотреть на Ингвара – молодого князя русского, – чтобы ощутить эту любовь. Он, ее муж, всего лишь голова руси, острие меча. Держат меч тысячи, десятки тысяч рук, и каждый из этих людей был дорог Эльге, как брат.

---

² «Пить на кого-то» – древнерусское обозначение здравицы, то есть пить в честь кого-то.

Брат! Она уже направленно искала глазами Эймунда, но не нашла. Неужели хватило ума пойти отдыхать? На три года моложе ее, семнадцатилетний родной брат стоит на пороге своей славы. Думая о нем, Эльга так волновалась, будто идти в первый настоящий поход предстояло ей самой.

Взгляд зацепился за другое знакомое лицо. Мистина Свенельдич тоже выглядел усталым – немалая часть подготовки похода лежала на его широких плечах. И она, Эльга, через два дня останется дома отдыхать, а он уйдет с войском.

Сын Свенельда уже три года, с тех пор как Ингвар занял княжий стол, состоял сотским его гридей-телохранителей. Но перед походом Ингвар заменил его в этой должности Гримке-лем Секирой, а Мистина собрал свою собственную дружину. Тут выяснилось, что за сокровища Свенельд хранил в прочных ларях своих клетей: у него хватило средств набрать, вооружить и снарядить двести человек и десять лодий для них.

На нынешнем пиру Ингвар перед всеми указал на Мистину как на преемника своих прав, если сам окажется убит, ранен, пленен или оторван от основной части войска. Выбору его никто не удивился: все знали, что два побратима с детства неразлучны и что своему нынешнему положению Ингвар во многом обязан Свенельду и его сыну.

Сейчас Мистина смотрел на Эльгу, проводя рукой по шее и груди в разрезе сорочки – в душевной гриднице было жарко. Так смотрел, будто хотел что-то сказать... И сказать о том, о чем она ему запретила с ней говорить.

Но сегодня Эльга не чувствовала прежней твердости. Ведь еще два дня – и у них долго не будет возможности перекинуться словом. До осени. Если... Нет, до осени! О других возможных исходах затеянного дела Эльга не хотела думать.

Лишь на миг их взгляды встретились, но этого хватило. Мысленно махнув рукой на собственные зароки, Эльга неприметно осмотрелась, встала и прошла к двери. Никто не обратит внимания: княгиня весь день ходит то в поварню, то в погреб. Погреб... Чуры дорогие, ни пива, ни меда готового, кроме недавно поставленного и еще незрелого, у них к утру не останется. Велела спрятать и заперла две последние бочки пива – опохмелиться ближней дружине...

Снаружи свежесть ранней весенней ночи так и пала на плечи, и Эльга с наслаждением втянула в грудь прохладный воздух. После душевной дымной зимы возможность выйти в одном платье еще несла блаженство. Заросли на склонах киевских гор уже оделись зеленью – наступил травень-месяц, растаял лед, шедший с верховьев Днепра, и высокая вода обещала стрелой промчать тысячу лодий мимо крутых берегов над порогами в Греческое море.

Во дворе тоже толпился народ. Ворота стояли нараспашку – не порядок, но сегодня приходится терпеть. Гриди, отроки, киевляне, вои – все бродили туда-сюда, слышался разноязычный говор. Эльга прошла в избу. Трое отроков на скамье под навесом смотрели на Ингваровых гридей с завистью: три десятка ближней дружины оставались беречь княгиню, им не видать ратной славы в это лето.

В доме было пусто, огня не горело. Вся челядь занята на пиру, Добрета уложила Святку в бывшей Малфридиной избе и сидит с ним. Ему уже три с половиной года, и сегодня поутру, когда Ингвар приносил жеребца в жертву Перуну на Святой горе, наследник его стоял рядом, держась за руку матери. И он кричал «Перуну слава!» (у него пока получалось: «Пелуну сава») со всеми вместе, и в гуще мужских голосов его звонкий детский голосок блестел, как солнечный лучик. Ингвар его услышал: подхватил сына на руки и поднял над головой, призывая благословение Перуна и на него, будущего воина и своего наследника. И Святка тянулся к небу, восторженно крича; Эльга даже испугалась, что сейчас дитя вырвется из отцовских рук и унесется в голубую высь. От вершины Святой горы до неба так близко... А она не может отпустить сына, он у нее один... Все еще.

Эльга ждала, застыв у двери в пустой темной избе. Было чувство, что она должна выполнить какой-то позабытый, но очень важный долг, без чего никому не будет удачи: ни ей, ни войску.

Он сейчас придет... Она ничего ему не сказала, но он и так все понял. Как это много раз бывало между ними, у Эльги было двойственное чувство: она ждала его и при этом считала свою уверенность неосновательной. Но и раньше разум всегда проигрывал чутью.

Как давно они не виделись наедине – почти полтора года. С тех пор как она решила, что это ни к чему...

Скрипнуло крыльцо под ногами – послышались тяжелые, мужские шаги, – но отроки пропустили пришедшего молча. Так они пропускали только двоих: самого князя и его побратима. И по скрипу крыльца Эльга знала, который из двоих идет.

Свенельдов сын вошел, низко наклоняясь под притолокой, затворил за собой дверь, увидел хозяйку совсем рядом и остановился. Но ничего не сказал, и у Эльги бешено забилося сердце. Бывает молчание, несущее больше, чем могут вместить слова.

С прошлой зимы, поняв, что до большой беды остался один шаг, она стала обращаться с Мистиной сдержаннее. Закончились шутки про баню и бусы, двусмысленные речи, намеки, которым придавал значение лишь голос и взгляд говорившего. Эльга ужаснулась, поняв, что вот-вот может стать нечестной. И еще больше ее напугало то, что Мистина, казалось, ничуть не боялся их общего бесчестья.

Закон и обычай указывают каждому нижнюю грань допустимого – если не в мыслях и желаниях, то хотя бы в поступках. Но Мистина дозволенное и недозволенное определял для себя сам, и Эльга не решалась бросать взгляд в глубины его души.

Прошлой зимой, получив прямой отказ, он отступил, принял вид любезного родича, и порой ей не верилось, что в прошлом она бывала так безрассудна и позволяла ему такие смелые... шутки. В начале минувшей осени обозначился нынешний поход, для всех нашлось дело. Мистине приходилось много ездить, собирая войско, он месяцами не бывал в Киеве; Эльгу тоже отвлекали заботы, и порой Мистина отодвигался в ее мыслях так далеко, что на какое-то время она переставала ощущать его присутствие в своей жизни.

Но часто она скучала по прежнему Мистине: ведь по сути, прошлой зимой она запретила ему говорить с ней откровенно. И после того, даже стоя рядом с ним, ощущала его как бы находящимся за прозрачной стеной. Но крепилась: эта стена охраняла и честь семьи, и благополучие державы. И только в этот вечер, когда все дела с походом были завершены, Эльга осознала: еще день, и между ними встанет борт лодьи. А это преграда посильнее любых стен. Потом – Греческое море...

Стало холодно от мысли, что уже через два дня они с Утой обе останутся без мужей. И сейчас, смутно различая фигуру Мистины в темноте у двери, Эльга ощущала его присутствие с такой же яркой полнотой, как в тот тревожный вечер, когда он показывал ей свой шлем с новой позолоченной отделкой. Она вспомнила сразу так много – о нем и о себе, – что от волнения стало трудно дышать.

– Хочу с тобой проститься, – донесся из полутьмы низкий, усталый и оттого непривычно невыразительный голос. – Завтра уже будет ли час, нет ли...

Эльга не нашла ответа. По голосу его стало ясно: и он ничего не забыл.

– Ты будешь меня ждать?

Она молчала. Мистина Свенельдич – побратим ее мужа и муж ее сестры. Довольно поводов, чтобы сказать «да». Но он спрашивал не об этом. Он спрашивал не как родич. И то, что Эльга это понимала, будило в ней испуг не меньший, чем волнение. Все, что она считала оставшимся в прошлом, вдруг вновь встало совсем рядом во весь рост. Будто призрак, что скроется с глаз, но не отстанет, как ни беги.

Хорошо, что в избе было темно и она даже не видела его лица – лишь различала рослую фигуру, прислонившуюся к косяку, тусклый блеск золотной тесьмы на голубом шелковом кафтане – подарке королевы Сванхейд из Хольмгарда. Но и так Эльгу не покидало ощущение, что Мистины как-то уж очень много.

За эти полтора года бывало, что влечение к нему накатывало на нее, будто мучительная хворь, и целыми днями она не могла думать ни о чем другом. Но Эльга хорошо понимала: за той дверью, что она держит запертой, никакого простора нет. Открыв ее, шагнуть можно только в пропасть.

– Возьми, – Мистина сделал какое-то движение возле своей головы, потом придвинулся к Эльге, нашел в полутьме ее руку и вложил в нее что-то – небольшое, продолговатое и твердое, костяное на ощупь.

– Что это? – Эльга подняла врученное к лицу и тут же узнала – скорее пальцами, чем глазами.

Это был оберег, еще хранивший тепло его тела, – медвежий клык с искусно вырезанными на концах мордой и хвостом ящера. В отверстие меж ящеровых зубов было вставлено серебряное колечко, а через него пропущен ремешок.

«В тот самый день, когда я родился, тронулся лед на Волхове, – рассказал он ей когда-то, еще до похода Хельги на хазар. – Это означало, что Ящер проснулся. Сванхейд сказала тогда, что Ящер и медведь будут моими покровителями...»

– Что ты? – Эльга в изумлении подняла глаза к лицу Мистины. – Ты отдаешь мне своего ящера? А как же ты без него?

– В нем моя жизнь. Сохрани ее для меня.

Эльга помолчала, потом осторожно спросила:

– Ты сильно пьян?

Было бы о чем спрашивать – словно она не видела, сколько чаш и рогов он сегодня поднял на пиру и сколько людей жаждало выпить с ним. На два года старше Ингвара, двадцатипятилетний Мстислав Свенельдич был первым среди воевод и вторым после князя человеком в войске.

– Порядком, но в уме, – спокойно ответил он.

– Ты уверен? – Она качнула в руке костяного ящера.

– Да. Мне ведь остается торсхаммер. – Мистина положил руку на грудь, где висел на хитро сплетенной серебряной цепи второй оберег, варяжский. – А ящер пусть будет у тебя. Мужчины отнимают жизнь, а женщины дают и сохраняют. Побереги мою у себя. Так вернее.

Можно было бы спросить, почему он не отдаст свою жизнь на хранение собственной жене... Но не нужно. Один ответ на этот вопрос был слишком очевиден, чтобы давать его вслух, а другой, наоборот, оглашать не стоило.

Эльга прижала к груди руку с ящером. Как княгиня она сегодня уже призвала на него благословение богов – заодно со всем войском. Но кое-что в ее душе предназначалось только для него. И сейчас, в весенней тьме предпоследнего вечера мирной жизни, это что-то вырвалось из того тайного хранилища, куда Эльга старательно его затолкала, и властно заявило о себе. Запертая дверь распахнулась сама собой, и неодолимая сила потянула Эльгу вперед. Бороться с этой силой было так же бесполезно, как пытаться руками остановить течение реки.

Этого не должно быть. Она никогда ему об этом не скажет... и себе тоже. Но едва успев вылепить в голове эту мысль, Эльга положила свободную руку ему на грудь и потянулась вверх. Мистина наклонился к ней, обнял, мягко прижался губами к ее губам и так застыл. Она слышала, как сильно, гулко бьется его сердце под ее ладонью. Ясно было, чего он ждет. Разрешения после однажды наложенного запрета.

Отчетливо сознавая, что этого делать не надо, Эльга тем не менее приоткрыла рот и позволила ему превратить поцелуй из родственно-вежливого в любовный. Есть вещи силь-

нее разума: его запах, кружащее голову ощущение его близости, щекочущее прикосновение бороды к лицу, тепло рта с легким запахом хмельного меда...

Торопясь, пока она не передумала, он накрыл ладонью ее затылок и погрузился в поцелуй, как в воду с головой. С такой готовностью, будто вечер тот был не почти полтора года назад, а лишь на днях, и все это время он с нетерпением ждал продолжения. Его спокойствие, близкое к равнодушию, оказалось притворным.

Сначала Эльга замерла в нерешительности, понимая: каждое мгновение податливости приближает ее гибель. Но потом стала отвечать ему – каждый шаг на этом пути был так сладок, что не хватало воли отстраниться. Другой рукой он крепко прижимал ее к себе, и она чувствовала, как сильно он возбужден и как мало намерен это скрыть. Трудно было открыть глаза, разум и воля растворялись в этом жарком облаке, оставляя одно стремление – слиться с ним как можно полнее.

Оторвавшись от ее губ, Мистина стал жадно целовать ее в шею под краем шелкового убруса. Слабели ноги, и только уголком сознания Эльга отмечала: если она сейчас не прекратит это, то дальше он просто не услышит ее. Он давно решил и ждал только ее знака. Однажды она сказала «нет», но он лишь притворился, будто отступил, и стал терпеливо ждать, пока она передумает. А он свой выбор давно сделал и его держался. В уверенности, что ее упорство растает раньше.

Но за бесчестьем и беда не замедлит. А им вот-вот идти на войну – ему и Ингвару, мужу ее...

– Пусти! – выдохнула Эльга, пытаясь его оттолкнуть. – Уймись! Не гневи богов перед походом!

Мистина выпустил ее и помолчал, пока она старалась прийти в себя и дрожащими руками поправляла сбитый убрус.

– Я ведь могу не вернуться... – напомнил он то самое, о чем она не хотела думать.

Лишь это сейчас и казалось важным.

– Ты вернее уцелеешь, если...

«Если не отнимешь честь своего побратима... И свою... И я вернее дождусь мужа невредимым, если не уроню его чести...» Эльга не сумела подобрать слов для этих обрывочных мыслей, но ясно понимала: человек достойный скорее может надеяться на благосклонность богов и потому не стоит совершать предательство, даже семейное, за день до начала войны. И сказала другое:

– Если будешь знать... Что еще не было ничего!

И наконец справилась с собой настолько, чтобы взглянуть ему в лицо. Даже его кривоватый нос с горбинкой от давнего перелома казался ей самым красивым в Киеве. Глядя на Мистину, Эльга хорошо понимала, почему так далеко зашла, пусть и ужасаясь самой себе. Напрасно она посчитала, будто исцелилась. Стоило вновь подпустить его близко, как чары вернулись и овладели ею.

– Это обещание? – Он тоже опомнился настолько, чтобы усмехнуться.

– Этого я не говорила! А ящера сохранию. Ступай.

Без единого слова он развернулся и вышел.

Эльга осталась на прежнем месте, прижимая к груди руку с костяным ящером, а другую приложив ко рту. Пытаясь не то взять назад те слова, что и впрямь слишком походили на обещание, не то сохранить тепло его жизни, которое он так щедро вкладывал в свои поцелуи.

* * *

Эймунд ушел с пира куда раньше, чем сестра-княгиня о нем вспомнила. Не будь Эльга так занята своим, легко догадалась бы, где искать младшего брата.

– Ты куда это? – окликнул его собственный старший телохранитель, Богославец.
– Пройтись хочу. Жарко там.
– Далеко пройти? Сейчас коня дам.
– Да не надо мне коня! – Эймунд нахмурился, скрывая смущение: не очень хотелось, чтобы отроки его сопровождали.
– Надо! – уверенно кивнул Богославец. – Мы здесь не дома, в Киеве тебе пешком ходить – честь ронять. Обожди, Дыбуля живо оседлает.

И пришлось отправляться, как положено воеводе: верхом и с тремя отроками. В душе Эймунд понимал, что пока мало успел сделать для своей чести, а родовая честь уже владела и управляла им.

Иные отроки и во сне не могут увидеть – в семнадцать лет, не женившись даже, встать во главе трехсотенной дружины из северных кривичей и русов. Но племянник Олега Вещего и родной брат киевской княгини и был рожден именно для такой судьбы. Родичи с берегов реки Великой – из Варягина, Люботина и Плескова – на общем совете выбрали его. Не считая дяди Торлейва, нынешнего главы Олегова рода, Эймунд оказался в нем старшим из мужчин, кто еще оставался на привычном месте. Пять лет назад уехал в Киев двоюродный брат Асмунд, два года назад – сводный брат Хельги Красный. Олейв и Кетиль были еще отроками³, а Эймунду пришла пора искать свою славу.

Путь от Плескова до Киева с войском занял почти полтора месяца. Едва успели до того, как лед на реках стал ненадежен. Здесь заселились в дружинные дома на пустыре, выстроенные Ингваром за минувшую зиму. Ждали, пока пройдет ледоход, пока спустятся сверху лоды и подтянутся остальные дружины. Скучать было некогда. Ингваровы сотские заставляли каждый день упражняться: стрелять, метать сулицы, биться копьем и топором, учили ратников ходить «стеной щитов». Часто, когда Эймунд уже засыпал, перед глазами у него все топали по снегу ноги в черевьях и набитых соломой поршнях, теснился ряд сомкнутых щитов, блеснул золоченый шлем воеводы – по нему и по стягу бойцов учили соизмерять свои передвижения в бою. И отдавался в голове повелительный голос зятя Мистины Свенельдича: «Шаг! Шаг! Надо, паробки, надо!»

Но вот все это позади. Лоды оснащены и загружены поклажей, сегодня его предпоследний вечер в Киеве. Дальше – поход, и тогда уже станет ясно, не напрасно ли ему досталась такая честь и достоин ли он, Эймунд сын Вальгарда, зваться родным племянником Олега Вещего – победителя Царьграда.

На широком Свенельдовом дворе было тихо, многочисленные построики стояли с закрытыми дверями. Дружины обоих воевод – старого и молодого – сейчас гуляли на Олеговой горе, а почти вся челядь ушла вместе с Утой туда же – помогать княгине в хлопотах. Дома оставались сторожа и малолетние заложники, опекаемые доброй воеводшей Утой.

Однако Эймунда пропустили без вопросов. Старшина сторожей, Бьярки Кривой, буркнул: «Никого нет», держа, однако, воротную створку полуоткрытой: пусть брат хозяйки сам решает, заходить или нет.

Эймунд предпочел войти. Во дворе сразу повернул к «девичьей» избе, где обитала часть женской прислуги и дети. Тихо постучал: может, спят уже. Вслушался в тишину внутри. Весенние сумерки прохладной ладонью ерошили волосы на затылке, и среди них от этой тишины Эймунд волновался еще сильнее. Казалось, сквозь толстую дубовую дверь и бревенчатую стену он различает легкие шаги по дощатому полу. И правда: когда шаги приблизились, дверь отворилась.

За порогом стояла невысокая девушка в варяжском платье некрашеной светло-серой шерсти – Дивуша. Увидев Эймунда, переменилась в лице, будто удивилась и смутилась.

---

³ Отроча – подросток от 7 до 14 лет.

Эймунда слегка покорило: показалось, она ожидала кого-то другого. Дивуша оглянулась в полутьму тихой избы, потом живо перебралась через порог и притворила дверь за собой.

– Никого нет! – шепнула она то же, что и Бьярки. – Только я и девчонки. Воеводы оба у князя, и Ута тоже. Думала, это Зорян, – добавила она, и у Эймунда отлегло от сердца. – Ждала, может, все же зайдет проститься, брат все-таки родной... Будь жив, – с опозданием добавила она.

– Видел его там, у князя, – кивнул Эймунд. – Будь жива...

Втайне он радовался, что молодой ловацкий князь не пришел прощаться с сестрой, ибо в его обществе ничего приятного не было. Заключение ряд обязывал Зоряна поддерживать Ингвара военной силой. Но память о том, как Ловать попала под власть Киева, была еще совсем свежа, и желающие воевать за русов там находились с трудом. Большинство готовых взяться за оружие сами же Ингвар со Свенельдом и перебили пять лет назад, в войне за Эльгино приданое, и для похода на греков Зорян Дивиславич набрал всего три десятка отроков.

– И... – вопросительно произнесла Дивуша, не смея сказать княгинину родичу «чего тебе надо?».

Эймунд помедлил. От смущения тянуло развернуться и уйти, но тогда перед самым собой будет стыдно – чего же приходил? И перед отроками...

– Ты-то не спишь еще?

– Боярыню жду. Я если одна остаюсь с младшими, то не ложусь, пока Ута не вернется.

– Давай вместе ждать? – неловко предложил Эймунд.

– Т-туда нельзя, – с запинкой Дивуша кивнула на дверь позади себя. – Наши спят.

Она прошла по крыльцу и села на скамью под навесом, где челядинки в теплую пору года шили при дневном свете. Вид ее выражал смущение: она не привыкла принимать знатных гостей сама, без хозяев. Пусть даже эти знатные гости всего на пару лет старше ее самой. Но что за важность – годы. Перед ней стоял братанич Олега Вещего, сестрич Воислава плесковского, родной брат киевской княгини Эльги. Воевода северной кривской земли. Все эти звания почти заслоняли от глаз его самого; сколько лет ее вечернему гостю, Дивуша задумалась бы в последнюю очередь.

Зачем он пришел? Когда Эймунд навещал сестру Уту, Дивуша тайком поглядывала на него, и каждый раз внутри проходила теплая дрожь, тревожная и радостная. Сама все пыталась понять: чего в нем такого особенного? Высокий рост, светлые волосы, прямой нос, острый подбородок, выступающие скулы, из-за чего щеки на продолговатом лице кажутся слегка впалыми. Таких парней много, но Дивуше мерещилось, будто на лице Эймунда всегда лежит солнечный луч. Глаза его напоминали глаза княгини: ярко-голубые, без зеленоватого отлива, они так же искрились при ярком свете, будто два самоцвета. Никогда еще Дивуша не видела у мужчины таких красивых глаз! И все эти два месяца, что Эймунд провел в Киеве, ее не покидало ощущение, будто в жизни появилось нечто хорошее, сулящее радость.

Нынче вечером Дивуша вспоминала Эймунда, вздыхая про себя: остался один день до отбытия дружины, и едва ли он успеет заглянуть сюда еще раз. А на пристань, посмотреть на уход войска, Ута, скорее всего, юных питомиц не пустит... Но теперь, когда княгинин брат вдруг взял и сам пришел, будто притянутый ее мыслями, Дивуша растерялась. О чем с ним говорить? И чего он ждет?

На этот вопрос Эймунд и сам не смог бы ответить. Ему случалось видеть Дивушу в доме Уты, но девушка или хлопотала по хозяйству, неслышно скользя у стола, или возилась с младшими девочками, или сидела в углу на ларе, занятая вязанием белого чулочка. Иногда посматривала на него, но с приличной скромностью отводила глаза от его взгляда. Его тянуло поговорить с ней наедине, когда не надо отвлекаться ни на кого другого. Но только в почти последний вечер, зная, что сейчас всем не до него, он и решился на это. А теперь не находил слов.

Эймунд колебался: садиться на бабскую скамью ему было не к лицу, но не стоять же возле девушки «бдыном», как говорит сестра Эльга. Оглянувшись, он убедился, что на широком дворе почти никого нет, и осторожно присел рядом с Дивушей. Только трое его отроков отдыхали возле коновязи, и Бьярки Кривой обосновался на колоде у ворот.

– Он нынче всю ночь спать не будет, – шепнула Дивуша, заметив, куда Эймунд смотрит. – Полнолуние, – она показала в светло-синее, холодное небо, где уже восходила круглая и яркая, как новенький сарацинский шеляг, луна. – К нему такими ночами побратимы его мертвые приходят. Он и беседует с ними до первых петухов.

– Какие еще побратимы?

– Плишка Щербина и Шкуродер. Я их не знала, они сгинули в ту зиму, когда мы только в Киев приехали, но мы еще совсем детьми были. Только слышала, как Бьярки про них братьям рассказывал. А что ты не на пиру?

– Да упились уже все, – Эймунд слегка нахмурился, глядя на Бьярки у ворот. – Скучно там. Все песни перепели, все пляски переплясали и под стол упали.

Дивуша фыркнула от смеха, и это подбодрило Эймунда.

– Скорее бы уж выступать...

– Ждешь? – Дивуша с пониманием взглянула на него.

Пять лет она росла среди людей, для которых заморский поход был почти таким же ежегодным явлением, как для оратая пахота и сев. И жены русов ожидали к осени «урожая», ради которого им не приходилось бы гнуть спины на жатве: красивых паволок, серебряных шелягов, медной посуды.

Эймунд кивнул.

– Мои три брата тоже пойдут, – добавила она. – Колояр и Соломка – с гридями, и Зорян с Ловати дружину привел.

– Те двое не молоды ли воевать? Они ведь младше тебя?

– Им по четырнадцать.

– Двойки⁴, что ли? – усмехнулся Эймунд. – А вроде не похожи друг на друга.

– Колояр – наш двоюродный брат, сын Держаны, сестры нашей матери. Она с нами сюда приехала, а два года назад умерла, как раз в эти же дни, – Дивуша кивнула на березку в углу двора, вновь одетую нежной листвой. – Видели бы наши матери нынче сыновей! – вздохнула она. – Могли ли подумать или хоть во сне увидеть, что их чада с русами в поход за море пойдут. Привезли их сюда чадами осиротевшими, и вот братья мои уже гриди! Обещают мне цветного платья привезти и всякого узорочья греческого.

Если князь Зорян в поход шел с явной неохотой, только в силу обязанности, то Колояр и Соломир, воспитанные на Свенельдовом дворе среди оружников, впитали все взгляды и устремления русских дружин. Год назад, когда им было по тринадцать, Ингвар вручил им по мечу и принял их клятвы верной службы. Высокий род давал им право на такую честь в столь юном возрасте, а клятва вождю, данная однажды, сохранит силу на всю жизнь. Сейчас они собирались в поход в рядах ближней Ингваровой дружины и жаждали отличиться. Хотя, как прямо сказал им Мистина: «Вы будете молодцы, если на первый раз просто останетесь в живых».

– И платья привезем, и узорочья, – уверенно кивнул Эймунд. – За тем и едем.

– Купалие пропустите, – вздохнула Дивуша.

– Да, это жаль... А что здесь на Купалие бывает?

Дивуша стала рассказывать: как полянские девушки приносят на луг березу, украшают венками, как водят круг и поют песню «На нашем поле да четыре сокола», потом топят березку и купаются с ней сами. Как вечером парни раскладывают костры и зовут девушек через них

---

⁴ Близнецы, двойняшки.

прыгать, и как на рассвете все идут по домам и поют: «Не стой, верба, над водою, не пускай травы по Дунаю...»

– Почему по Дунаю? – не понял Эймунд. – Тут же Днепр.

– Не знаю. Я тоже раньше спрашивала, а мне сказали, всегда так пели.

Если бы не поход, с Дивушей Эймунд и гулял бы у купальских костров над Днепром. Он уже видел себя, рука об руку с нею: пышные венки на головах, цветущие стебли трав торчат во все стороны, будто лучи от лика Дажьбожьего. Потом нахмурился: ведь его здесь в это время не будет. И какой-нибудь другой парень наденет на нее венок и возьмет за руку... Целоваться еще в кругу полезет, коз-зел безрогий... Какой-нибудь трус и рохля... Кому еще здесь остаться на лето – все бойкие отроки на Греческое море уйдут!

– Ты... пойдешь на Купалие? – Он не решился спросить: «С кем ты пойдешь?».

– Не знаю... Как Ута скажет. Может, и не пустит. Она и прошлым летом нас с Предславой от себя не отпускала. Говорила, вы уже взрослые, мало ли что... У Предславы уже есть жених, ей красоваться незачем. Подрастет еще немного – ее в Деревлянь свезут, за Володислава, Добронегова сына. И будет она у нас княгиня древлянская.

– А ты? – Эймунд обеспокоенно повернулся к Дивуше.

Что, если у нее тоже есть жених? Она хоть и пленница, и заложница, а все же – княжьего рода и по отцу, и по матери. Таким невестам, бывает, женихов подбирают раньше, чем впервые косичку заплетут.

– Что – я? – Дивуша смотрела на свои руки с мозолями на пальцах от шитья и прядения.

– Ну... – Эймунд набрал воздуха и вспомнил, что ему-то не полагается робеть и мямлить. Даже с девушкой. – У тебя есть жених?

– У меня... – Дивуша тоже глубоко вдохнула, потом робко-доверительно взглянула на него и созналась: – Я не знаю.

– Как так? Тебя не обручали ни с кем?

– Нет... Чтобы я знала – нет. Но Ута однажды сказала...

– Что сказала?

– Что княгиня о нас позаботится. Подберет нам женихов – мне, Живлянке, Делянке...

– И как же она думает... О вас позаботиться?

Сестра Эльга должна как следует постараться, чтобы Дивуше достался не какой-нибудь рохля или низкородный! Эймунда тревожила эта мысль, но он не вполне понимал почему.

– Не знаю...

Вдруг загорелись щеки, и Дивуша прижала к ним холодные ладони. Она уже озябла на дворе в одном платье, надо было свиту взять. Сходить? Но не всю же ночь она собирается с ним тут сидеть!

– Хочешь, я скажу ей, чтобы... – начал Эймунд.

– Что? – Дивуша бросила на него неуверенный взгляд.

– Ну...

Эймунд сам толком не знал. Сначала он хотел сказать, что попросит сестру позаботиться о дочерях Дивислава получше, чтобы женихи были хорошие, знатные и богатые. И только потом в голове мелькнуло: может, я и сам сгожусь? Мысль была нова и непривычна: как и все, он с детства знал, что невесту ему подберут старшие родичи. Стрыиня Кресава Доброзоровна, провожая его из Варягина, намекала, что, может, Эльга в Киеве его и женит. Это Эймунду понравилось: раз уж он возглавлял войско, оставалось только жениться, чтобы из отрока стать мужчиной. И чем больше он прославится в походе, тем лучше невесту ему потом найдут.

А сейчас подумалось: может, искать и не придется? Отроки, говоря о предстоящем походе, часто мечтали о красных девках греческих: у иных взять полонянку было единственной возможностью жениться. А Эймунд вдруг осознал: его желанная награда – не за морем,

она будет ждать его здесь, в Киеве. И как самое большое счастье представил, что, может быть, по возвращении из похода увезет отсюда домой в Плесков и Дивушу.

И все это представилось ему так ясно, что, казалось, и Дивуша должна увидеть его мысли в повисшей тишине, где Эймунд слышал только стук своего сердца. И не находил слов. Но, к счастью, девушка сама прервала молчание.

– Я лучше тебя попрошу...

– Да? – Эймунд с ожиданием вскинул глаза.

– О братьях... Понимаю, у тебя своя дружина, свои люди, забот полно... Но, может... Им же всего по четырнадцать, они дальше Вышгорода да Витичева и не бывали никогда. Я просила Зоряна... Но он... – Дивуша мялась, сжимая пальцы. – Они ссорились. Он их попрекал: вы, дескать, свой род забыли, русам предались... А как им быть: они тут, во всей власти... Да они и не знают уже другой семьи, из родных не помнят никого. Зоряну уже четырнадцать было, когда отец погиб, а они были совсем дитяти, им Ингвар первые мечи деревянные дал и сам учил биться. Конечно, они его за отца почитают и клятву ему принесли. Зорян приходил два раза... Гневался... И не показывается больше. Ты поможешь им, Колошке и Соломке, если что?

– Само собой! – охотно откликнулся Эймунд. – Присмотрю за ними. Они же и сейчас... Отрочати еще совсем, – снисходительно добавил воевода с первым светлым пушком на подбородке.

– Благо тебе буди! – Дивуша подняла на него глаза и улыбнулась. Потом встала. – Пойду я. Озябла.

Эймунд в душе устыдился, что держал девушку столько времени на холоде, и не нашел, что сказать на прощание. Дивуша скользнула по длинному крыльцу к двери, толкнула ее, обернулась и, кажется, еще раз улыбнулась – он не был уверен, что разглядел ее лицо, – и исчезла.

Неслышно затворилась дверь, и Эймунд остался на воеводском дворе, широком, как целый городок. И было чувство, будто он один во всем свете белом. А она ушла не всего лишь в избу за дубовую дверь, а куда-то в Навь, куда и нет ходу простому человеку... И никогда больше он ее не увидит...

Пока они беседовали, совсем стемнело. Луна на темно-синем небе из шеляга выросла в целое блюдо яркого серебра. Бьярки Кривой сидел на своей колоде и бормотал, сквозь лунные лучи глядя в тень у ворот:

– Силищи нагнали, братцы, вы не поверите! В Киеве у Почайны стоит триста лодий! В Любиче на Кораблище стоит триста лодий! В Вышгороде – двести! Да в Витичеве – двести! Говорят, у Вещего столько было, как он на Царьград ходил. Как будто они знают! Мы знаем, как Вещий на Царьград ходил, да, Щербина? Нас бы они спросили... Все бы им толковать, о чем не ведают... Сами сулицей с пяти шагов в бычью шкуру не попадут, а разговору, будто Царьград брали по три раза... Вот мы с вами ходили когда...

Эймунд вспомнил слова Дивуши: в ночи полнолуния кривой сторож беседует со своими давно умершими побратимами. Похоже, они уже здесь, он видит их своим слепым оком.

От прохлады весенней ночи пробирала дрожь, и все же Эймунд лишь на миг замешкался, направляясь к своей лошади. Выезжая из ворот, не оглядывался, но краем глаза будто видел, как неведомые ему Щербина и Шкуродер скалят блестящие под луной зубы из тени под тыном...

* * *

Войско уходило с рассветом. Остались позади пиры, возлияния, речи над чашами и вопли жен. Каждый боярин выводил свою дружину, рассаживал по приготовленным лодьям, и рог возвещал отправку. Пускаться в путь всем одновременно не было нужды: лодьи выходили нынешним утром из четырех городов, и лишь вечером им нужно будет соединиться в назна-

ченном месте ночлега. А это место, заранее подобранное высланными вперед отрядами, растянется на полперехода пешком. И так – еще неделю, до самых порогов, где уже понадобится держать силу в кулаке.

Отроки брались за весла. Выйдя на простор реки – ставили парус. Вскоре весь Днепр покрылся льняными и шерстяными крылами. С вершины Святой горы было похоже, будто сотни белых цветков одолень-травы плывут вниз по течению. Над водой далеко разносился прощальный голос рога. С такого расстояния все лоды казались почти одинаковыми – лишь одни побольше, другие поменьше. Эльга не могла разглядеть красную искорку Ингварова стяга, только знала: она где-то там.

Когда на заре Ингвар уходил из дома, он был молчалив и сосредоточен. Сдержанно поцеловал середину стола, как положено перед дальней дорогой, взволнованную жену, заспанного сына. Все назначенное для богов и людей он уже сказал: на Святой горе, на причалах, где освящали жертвенной кровью лоды, весла и паруса, на пиру над братиной. Но сейчас он прощался со своим домом, женой и ребенком не как князь русский, а как всякий из двадцати тысяч мужчин, уходящих с ним в эту дорогу. Весь мир, на какой молодая княжеская чета привыкла смотреть с высоты, сжался до размеров избы, и себя они ощущали простой семьей, откуда отец и защитник уходит надолго. Эльга прижимала к себе Святку, и ее наполняло чувство сиротства – одиночества и бесприютности.

– Ну... Не скучай, княгиня.

Ингвар остановился в последний раз у порога и окинул глазами избу – будто проверял, не забыл ли что. Лицо его, обычно оживленное, сейчас стало замкнутым, невыразительным, чуть ли не туповатым. Но Эльга смотрела на него в благоговении, с замирающим сердцем. Она знала: эта неподвижность есть внутренняя сосредоточенность на своей судьбе. В такие мгновения мысленный взор обостряется и достигает самых глубин души, ее источника, где норны прядут твою нить. Ингвар видел впереди нечто важное, может быть, сокрушительное. Но он не мог остановиться. Его вела судьба, что сильнее разума и воли. Об этом говорится в преданиях, и это раз за разом вновь подтверждается жизнью: даже видя свою кровь на дороге впереди, человек не в силах свернуть с нее. Предания учат стойко встречать свою судьбу. Ведь что ты без нее? Человек ли?

При виде этой печати судьбы у Эльги замирало сердце и умолкали уста. Что она могла сделать? Сказать ему: «Не ходи в поход» – так же бессмысленно, как сказать реке: «Не теки». Власть судьбы неодолима для обычного человека, так что же говорить о том, кто несет на себе судьбу всей руси? И хотя ей самой ничего не грозило, жизнь ее так тесно связана с жизнью мужа, что эту дорогу она пройдет вместе с ним – пусть и мысленно. И свою женскую долю ожидания ей тоже нужно принять достойно.

Когда Ингвар с гридями ушел на пристань к лодьям, Эльга с сыном отправилась на Святую гору. Сюда же собрались нарядные женщины – ее родственницы и жены бояр. Почти всех сопровождали няньки с детьми, мальчики с тоской смотрели вслед отцам, не в силах дожидаться, когда сами вырастут и отправятся с ними. Наверное, глазам богов русские жены, одетые в цветное платье, представляются венком живых цветов на зелени травы. А те, кого они провожают, их не увидят с реки. Да и смотреть в эту сторону не будут: мысли мужчин уже далеко впереди, у порогов, где возможны столкновения с печенегами – союзниками греков. А кто-то уже и видит стены самого Царьграда...

– Смотри! – Эльга с усилием подняла на руки Святку, желая в последний миг немного приблизить его к отцу, и кивнула ему на реку. – Там батька твой. Пошел на греков. Вернется, добычи привезет. Сосудов золотых, камней самоцветных, паволок драгоценных...

– И я пливезу!

– И ты! – Со вздохом Эльга опустила его наземь.

Лодьи еще не скрылись из глаз, а уже наваливалась тоска пустоты, сквозь вязкую толщу которой пускала первые бледные ростки тревога. Не в первый раз Эльга провожала дружину и мужа из Киева – полюдь бывает каждый год, – но впервые на ее памяти Ингвар и его соратники уходили на полуденную сторону. На Царьград, куда уже лет сто устремлялись честолюбивые мечты русов. Вот и Ингвар возмужал настолько, что отважился встать на след Вещего. А она, Эльга, стала владычицей державы, посмевшей бросить вызов ромейским василевсам.

Нынешние гриди выросли на преданиях об Олеговом походе на греков. Князя – его наследники – пользовались плодами утвержденного им ряда. Но Ингвару пришлось заключать все договора заново, и вот тут оказалось, что греки сперва желают от него услуги: поддержать их удар на владения каганата в Таврии. Не желая покидать Киев в первое же лето после вокняжения, Ингвар послал на хазарский город Самкрай своего родича – Хельги Красного, сводного брата Эльги. И Хельги преуспел куда больше, чем греки рассчитывали. С досады херсонский стратиг Кирилл отнял у него половину добычи, а Хельги на это ответил разорением Нижнего города греческой Сугдеи и заключением союза с хазарским полководцем по имени Песах. И уже по уговору с Песахом нынче летом русы отправились войной на греков – врагов и каганата, и Руси. Итогом похода, в случае удачи, должна была стать не только слава и добыча. Разгромив греков, Ингвар мог рассчитывать на такой же выгодный торговый договор, какой был у Вещего. И еще более выгодный – с хазарами.

За хлопотами долгой подготовки похода Эльге было особенно некогда об этом думать. Но сейчас, когда у нее на глазах последние белые лепестки парусов исчезали вдаль, сливаясь с блеском воды, она понимала: решается судьба Руси. Ее будущая честь, слава, достаток. Возможность крепнуть, расширяться. Пускать корень глубже в эту землю, раскидывать шире ветви над многочисленными племенами славян, чуди, степи и южного поморья.

Оглядевшись, она нашла взглядом Святку – княжич носился меж отроков наперегонки со своим братом Улебкой, сыном Уты. Оба размахивали деревянными мечами, неизменными спутниками любой их прогулки – точными подобиями отцовских.

Эльга подозвала сына к себе и обняла. Этот маленький светловолосый мальчик был будто капля росы, вместившая солнце – ради него и его будущего отправилось в поход двадцатитысячное войско, и от него зависело, чтобы в будущем эти труды не оказались напрасны.

И от огромности этой судьбы, которую она не отделяла от своей, у Эльги захватывало дух.

* * *

Пороги на Днепре русское войско миновало благополучно. Пока дружина перетаскивала лодьи между верхним станом и нижним, дозорные с курганов постоянно видели вдаль печенежские отряды: те держали пороги под присмотром и приценивались к добыче. Столь огромное войско, конечно, было им не по зубам, и степняки благоразумно держались подальше. Тем не менее Ингвар приказывал ночами постоянно обливать водой просмоленные борта лодий, чтобы их при внезапном нападении нельзя было поджечь пылающими стрелами.

После выхода из устья Днепра еще пять дней шли вдоль берега моря на юг. До устья Днепра лежали земли тиверцев, а дальше расстилались земли царства Болгарского. Болгарский царь Петр – союзник и зять греческих василевсов; зная это, Ингвар не потрудился предупредить его о своем появлении, как сделал бы для собственного союзника.

Близ устья Дуная устроили длительную стоянку. Здесь Ингвар должен был встретиться с Хельги Красным – сводным братом Эльги, что со своей дружиной провел зиму в хазарской Карше. Через гонцов, посланных степью, они ранней весной назначили это место для встречи: Ингвар должен был прибыть туда от Днепра, а Хельги – из Таврии.

Поскольку в Таврии не беспокоились о том, когда сойдет лед, Ингвар надеялся, что шурины придут сюда раньше и уже будет их ждать. Однако на месте, куда он выслал вперед раз-

ведчиков, никаких следов дружины не обнаружилось. А шесть сотен человек – не шутка. Оставалось ждать. И бояре, и оружники, и простые вои досадовали: всем не терпелось добраться до греческих земель и вступить в дело, к коему так долго и упорно готовились.

И сильнее всех был недоволен сам Ингвар.

– Где эта меченая рожа! – то и дело ворчал он. – Если бы он ждал нас, его в этих дебрях болгары могли бы и не заметить. А вот пока мы будем ждать его, о нас узнают везде до самого Преслава!

– Если не до Царьграда, – тоже с досадой подхватил Мистина и вздохнул: – Теперь и не совершь ничего – на этом берегу другой цели для нас нет.

Прошлым летом дружина Хельги ловко добралась до хазарского Самкрая, пустив перед собой слух, будто идет на греческую Сугдею. Но на западном берегу Греческого моря русы могли избрать себе в добычу либо болгар, либо греков, но те между собой состояли в союзе, и это было почти одно и то же.

Низкие берега перед трехгорлым устьем Дуная были сплошь изрезаны заливами и иссечены песчаными косами. Стан из двадцати тысяч человек и тысячи лодий занял три приморских мыса; через каждый протекал ручей. По берегам ручьев под деревьями раскинули шатры, из ветвей сделали шалаши и навесы от солнца. В травень-месяц было еще не так жарко, как летом, но все же без укрытия пришлось бы худо. Лодьи вытащили на белый песок, густо усыпанный обломками ракушек. Над берегом потянулись дымь костров, огонь над сучьями прибрежных ив, дубов и сосен лизал бока больших черных котлов. На ночь ставили в море сети, а утром варили похлебку.

На взморье, где мутные зеленовато-бурые воды Дуная мешались с водой Греческого моря, часто попадались осетры – бывали такие огромные, что одного хватало на целую дружину из десятков человек. Однажды дружина Родослава из Родни выловила пятисаженного осетра: когда добычу привезли на берег, голова его торчала с носа лодьи, и хвост свешивался с кормы. В другой раз такая же примерно рыбина опрокинула лодью с людьми черниговца Буслава. Попавшую на крюк добычу вытащили к поверхности, но не сумели вовремя оглушить и подцепить за жабры, а она с такой силой дернула на глубину, что перевернула и погрузила в воду само судно. Никто, к счастью, не утонул, но черниговцы, барахтаясь в соленых волнах возле своего перевернутого скутара, вопили так, будто ждали, что сейчас обиженная князь-рыба проглотит их.

Каждый раз, как разделявали осетра или белугу, рядом оказывался Колояр, один из двух самых юных Ингваровых гридей, и внимательнейшим образом осматривал внутренности рыбы. Даже руками разбирал некоторые части.

– Ты чего там ищешь? – смеялись отроки. – Или князь худо кормит?

– Или перстень в море уронил?

– Белужий камень ищу, – деловито отвечал отрок.

– Что это за белужий камень такой? Разве рыба камни глотает?

– Не глотает, а сей камень в самой рыбе родится и живет возле дыры, чем она икру мечет.

Удивительное дело, но мудрость покойной Держаны и любовь ее к травам унаследовал единственный сын, а не какая-нибудь из пяти дочерей. В свои четырнадцать лет Колояр разбирался в зельях не хуже самых опытных оружников Свенельдовой дружины, и в Киеве даже бабы приходили к нему советоваться. В походе, где лекарь может понадобиться каждый день, такое умение весьма ценится, и к Колошке даже те, кто старше, относились с уважением, какое редко достается на долю вчерашнего отроцати. Рос он быстро и сейчас был уже довольно высоким; над приятным, с мягкими чертами лицом стояла целая копна золотисто-русых кудрей. Светло-серые, водянистые глаза смотрели приветливо и пристально, будто он от каждого встречного надеялся чему-нибудь научиться. В память матери его среди Свенельдовых людей называли

Держановичем; мужа Держаны, давным-давно умершего где-то в краю западных кривичей, никто из русов не знал, да Колояр и сам отца не помнил.

Отроки только смеялись над его поисками, но юный зелейник, не смущаясь, являлся к каждому новому выловленному осетру и спокойно запускал руки в гущу скользких рыбьих внутренностей.

– А зачем тебе этот камень? – спросил его как-то Эймунд.

За время пути он подружился с двоюродными братьями. Отчасти он тем исполнял обещание, данное Дивуше, а еще потому, что в его мыслях Колояр и Соломка связывались с оставшейся в Киеве сестрой и ему приятно было видеть их. Как будто Дивуша отчасти тоже здесь.

– Это не мне, это князю, – обстоятельно пояснял Колояр. – У кого белужий камень, тому никакая беда не страшна: ни порча, ни хворь, ни погода дурная на море. Ни даже яд, – он поднял голову и посмотрел на Эймунда. – Белужий камень держат в чаше, из какой обычно пьют: если нальют в нее отраву, то камень отраву в себя впитает, а человек выпьет – ему ничего.

– На что же он похож? – любопытствовал Эймунд, представляя себе некий самоцвет, играющий всеми красками сразу, будто капля росы под солнцем. – Каков собою?

– Он плоский, продолговатый, цветом серовато-белый, как найдешь – мягкий, а потом твердеет. Величиной бывает с орех, но чтобы крупнее яйца, такого никто не находил.

– Видать, и стоит такой камень дорого? – спросил другой гридь, Гуляй.

– Сколько он сам весит, за него золотом дают.

– Да не брешут ли? – усомнился боярин Красигор.

– Может, и правда, – поддержал Колояра купец Вермунд. – Я видеть такого камня не видел, а слышать про него слышал.

– Мне дед про кабаньих камень рассказывал, – добавил Дивосил, сын киевского боярина Видибора. – Тоже вроде он у вепря в нутре родится и от сглаза помогает. Но чтоб находить такой камень... Дед был знатный ловец, а и ему не попадался. От старых людей только слышал.

С тех пор и еще кое-кто из отроков стал копаться в рыбьих потрохах; счастья, однако, никому не было, и скоро парням надоело. Один Держанович не прекращал поисков: он с детства привык вместе с матерью долгими днями искать по лесам и оврагам необходимые корешки, выжидать нужного часа, чтобы их взять, когда войдут в наибольшую силу, и знал: удача требует терпения.

Утром и вечером Ингвар заставлял воевод продолжать учения, но днем, когда становилось жарковато, люди отдыхали и развлекались как могли: устраивали борьбу, играли в кости. По вечерам сидели у костров, ходили от одного к другому, слушали, где какие байки рассказывают.

Особенно много слушателей собиралось в стане наемников. За зиму хольмгардский брат Тородд и ладожский родич Хакон раздобыли для Ингвара четверых «морских конунгов» с дружинами: из Свеаланда, с Готланда и даже одного дана, по имени Бард. Тот зимовал в этот раз в Бьёрко и охотно откликнулся на предложение сходить в богатое Греческое царство – Грикланд, как его называли в Северных Странах.

Наемники были Ингвару очень нужны. Им пообещали наибольшую во всем войске долю добычи, но им и предстояло самое сложное – захват царевых кораблей, если те выйдут русам навстречу. Чем греки располагают, и в Киеве, и в Северных Странах знали довольно хорошо. Не менее чем со времен Аскольда и Дира им случалось порой видеть огромные, по меркам славян и норманнов, греческие суда – с бортом, на высоту человеческого роста поднимающимся над волной, с двумя рядами весел, с двумя мачтами, с надстройкой вроде башни, с палубой, на которой порой устанавливают разные хитрые приспособления, мечущие камни или стрелы.

Русы не раз видели эти корабли – дромоны и хеландии, а кое-кто, из тех, кому случалось служить в воинстве василевсов, даже ходил на них. Но никогда и никому из русов или норманнов еще не доводилось вступать с ними в бой. Ни Аскольд и Дир, ни Олег Вещий, ни кто дру-

гой из прославленных походами вождей не сражался с греческими судами на море. Для такой задачи требовалось все умение, опыт, ловкость и отвага, которыми располагали привычные к морским сражениям свеи и даны. Но даже им предстояло сделать то, чего никто из них и даже их соплеменников еще не делал.

Боевого опыта у них было достаточно. Хавстейн и Ульвальд лет восемь назад участвовали в набеге на Дорестада в Стране Фризов. Бард, самый старший годами, еще лет тридцать назад – примерно в те же времена, когда Олег Вещий заключал свой договор с Царьградом, – юношей ходил в Страну Франков в дружине Хрольва Пешехода.

– Мой отец потерял ногу под Парижем, когда осаждал его в дружине Сигфрида! – часто рассказывал он по вечерам, и всегда его окружал тесный круг слушателей. Наемники знали только северный язык, но славяне тоже хотели послушать, и кто-нибудь из русов брался переводить. – После этого он жил дома и вел хозяйство – благо привез довольно добычи взамен своей ноги, чтобы купить рабов и скота. Да и моя мать ему хорошее приданое принесла. А когда до нас дошла весть, что Хрольв собирает войско, чтобы вновь идти в Страну Франков, отец сказал мне: «Бард, ты уже мужчина!» А мне тогда было вот столько лет, сколько этому орлу! – Бард показал на Эймунда. – «Ты уже мужчина, – сказал он, – и ты должен показать им, что наш род не иссяк на мне, что у нас еще есть кому держать меч!» И мы показали!

Мистина и Ингвар много расспрашивали его – как берут города с высокими стенами? Городцам уличей и тиверцев, которые случалось еще в юности брать им самим, были «не в ту версту», что крепости франков. Бард, выросший под рассказы отца об осаде Парижа, теперь сам охотно повествовал о городе на острове посреди Сены, для взятия которого нужно было сперва захватить два моста с башнями на краях, соединяющие его с берегами, и еще одолеть высокие каменные стены.

– Много было в нашем... То есть в том войске людей королевского рода и даже королевского звания, но Сигфрида конунга все признавали главным своим вождем! – рассказывал Бард. – Людей в войске было сорок тысяч, и все они разом пошли на приступ, чтобы овладеть мостом. Метали камни пращами и баллистами, бросали сулицы и обстреливали из луков. Викинги сделали большие щиты из сырой кожи, чтобы под ними, как под передвижной крышей, могло укрыться сразу по десять человек и больше, и так бежали к стенам, а сверху в них стреляли, и швыряли камни, и лили кипяток и раскаленное масло! Бой шел такой жестокий, что в шлеме у каждого торчало по пять стрел, щиты их непрерывно звенели от падавших сверху камней. Но викинги упорно подкапывали башню, и разбивали ее основание дубинами, и рубили секирами, и уже проделали отверстие, но тут франки бросили на них с башни столько камней, что погребли, как в кургане, сразу шесть десятков человек. Пришлось тогда им отступить. Франки тем временем заделали пролом. Тогда викинги придумали вот что: из камня была только нижняя часть башни, а верхняя – из дерева. Принесли множество дров и запалили самый огромный костер, который только видели за все время, что Один правит миром. Башня могла бы сгореть, но тут пошел сильный ливень и погасил пламя...

Рассказов этих Барду хватало надолго: о том как норманны строили осадные орудия, огромные телеги – нечто вроде передвижных крепостей; как пробовали сжечь мосты при помощи двух кораблей, набитых сухим деревом и подожженных. Ингвар слушал, прикидывая, не пригодится ли ему что-то из этого опыта. Для осады Царьграда вроде той, какой Хрольв подверг Париж, у русов не хватало сил, но в Греческом царстве ведь есть города и поменьше.

Чтобы не скучать и не расходовать зря съестные припасы, часть каждой дружины всякий день отправлялась на охоту. На песчаных косах гнездились тучи птиц, но настоящая охота была подальше от взморья, где гуще растительность. Туда отправлялись на несколько дней, и это считалось отличным развлечением. Сами бояре, тоже изнывая в ожидании битв, желали этих поездок не меньше, чем отроки, у себя дома не видевшие ничего похожего.

Устье Дуная – целая страна болот, озер, рек, речушек и канав. Купцы говорили, что к морю он бежит тремя большими горлами, кои сами разделяются еще на несколько более мелких. Русы входили в самое северное горло и от него сворачивали в то или иное из бесчисленных ответвлений. Вода была везде – вода и зелень. В зарослях тростника – в два-три человеческих роста высотой – ничего не стоило заблудиться и сгинуть вместе с челноком. Лодья шла по узкому проходу между кудрявым тростником, мимо давно упавших стволов, похожих на засохшие тела поверженных чудовищ со снятой шкурой. Круглые, ярко-зеленые листья сон-травы и кубышки лежали сплошным ковром, а под ними таилась мутная желто-зеленая вода...

Водились здесь чудные птицы, каких славяне раньше не видели: крупным белым телом похожие на лебедя, только с короткой шеей и огромным клювом, будто лопата. Засовывая голову под воду, головастый «лебедь» ловил рыбу и переправлял в приделанный под клювом кожистый мешок. Бывалые оруженники, уже проезжавшие через эти места с купцами, говорили, что это чудо называется «баба-птица» и что она несъедобна, но отроки часто стреляли «бабу», чтобы получше рассмотреть и все же попробовать.

Вглубь русы старались не забираться, чтобы не пропасть в путанице протоков. Извей Илаевич, младший брат киевского боярина Себенега, однажды так заплутал и вернулся к войску лишь на третий день. Далеко заходить и не требовалось: дичи, птицы, рыбы здесь было столько, что хватало на целое войско. Пристав к островку, где густо росли ивы, вербы, тополя и ракиты, отроки забрасывали сети и устраивались ночевать, а утром возвращались к дружине, везя полные лодьи шук, сомов, карпов. Пока ждали, стреляли гусей, лебедей и уток.

На островах между протоками хватало и крупной дичи: кабанов, оленей. Часто видели диких лошадей – в теплые дни те бродили по колено в воде, щипали жесткую траву на песчаных полянах на взморье. При виде людей бросались в протоки, мчались по мелководью, поднимая тучи брызг, переплывали озерцо и скрывались в зарослях ракиты на дальнем острове.

Однажды, уже под вечер, Эймунд невольно ввязался в приключение. С дружиной в два десятка отроков он выбрал довольно большой остров, заросший ракитой, ивой и дикой грушей. Попадались даже дубы. В озеро и протоки вокруг забросили сети, набрали целую гору сушняка, начали варить похлебку из набитых по пути уток и гусей. Стрелять пришлось над водой, и Колояр с Соломкой прыгали, чтобы вплавь достать добычу и стрелу. Потом их под общий смех втягивали в лодью, обвитых зелеными стеблями кувшинок, «будто русалка».

Эймунд договорился с Гримкелем Секирой, нынешним сотским ближней княжьей дружины, чтобы взять отроков с собой на охоту. Как он заметил, Зорян Дивиславич с младшими братьями так и не подружился: никогда не приходил в княжий стан повидаться и не звал их к себе, а при случайных встречах лишь кивал в ответ на их поклоны и проходил мимо. Похоже было, что дороги родичей невольно разошлись.

В какой-то мере Эймунд, оставивший дома собственных двоих младших братьев, даже рад был заменить их этими двоими. Колояр, рассудительный и забавный, нравился ему сам по себе, а Соломка миловидным округлым лицом и серо-голубыми глазами сразу вызывал в памяти сестру. При виде его у Эймунда всякий раз теплело на сердце, и казалось даже, что Дивуша где-то рядом. Впечатления пути не вытеснили ее из памяти; наоборот, глядя по сторонам, он невольно воображал, как станет рассказывать ей обо всем этом. О движении войска, о порогах, о горлах Дуная и плавнях, об этом чудном болотном крае. О целых полях белых и желтых водяных цветов, где лодья идет, будто по лугу, и каждое весло становится словно наряженная ярильская береза. О тучах пернатых – «бабах-птицах» с желтыми клювами и широкой черной каемкой на белых крыльях, о лебедях и утках всяческих неведомых пород. О пышных деревьях, растущих прямо из воды. Об осетрах взморья – больше человеческого роста, о диких жеребцах, что носятся по воде среди кувшинок... О чудных зверях – черепахах, что похожи на толстую ящерицу, носящую на себе чей-то череп. «Гадюка в домовине» – сказал о них Искусеви, старейшина плесковских чудинов в Эймундовой дружине, чем очень насмешил парней.

В южной Руси такие водились на болотах, и парни из черниговской дружины говорили, что черепахи безвредны, но плесковичи это чудо увидели впервые.

Начинало темнеть.

– А пойдемте посмотрим, что там есть! – Колояр, едва присев, уже снова был на ногах. – Может, с той стороны чего найдем любопытное!

– Да чего там есть? – унимал его Богославец. – Груша дикая и та еще не поспела. Сядь, посиди, егоза.

– Может, водяных жеребцов увидим, – поддержал брата Соломка.

– Да это не водяные, обычные они жеребцы, – пояснил Альвард, не раз ездивший мимо Болгарского царства по торговым делам. – Просто пасутся здесь, среди болот, вот и приобвыкли вплавь перебираться.

– А я слышал от воеводы нашего Шигберна, – вступил в беседу еще один из плесковичей, Гостец, – что в дальних северных краях есть такие духи водные, как бы злые жеребцы, что в воде только и живут, лишь изредка на берег выходят земной травки пощипать. Коли кто к такому жеребцу подойти хочет, он ничего, подпускает, а как человек к нему на спину сядет, он р-раз – и в воду прыгнул, с человеком вместе. Много народу, говорят, таким путем пропадает.

– Ну, то в дальних северных краях, – сказал немолодой плесковский оружник, по прозвищу Падиного. – У них чего только нет. Морские змеи, говорят, есть, такие из себя, как Змей Горыныч.

– У нас Змей Горыныч есть, – заметил Соломка, даже как будто озадаченный, что на родной земле имеется чудо, не хуже заморских.

– А ты его видел? – повернулся к нему Падиного.

– Нет.

– А чего ж говоришь?

– Ну... Все же знают.

– То все знают, а то люди сами видели.

– Пойдемте пройдемся до того края, – снова стал звать Колояр. – Хочу сон-травы здешней взять, корень выкопать, посмотреть, такова ли, как у нас. А здесь вон, тростником все заросло, к воде не пройти.

– Ну, пойдем... Зелейник! – улыбнулся Эймунд и поднялся с кошмы.

– А правду говорят, что от сон-травы у мужика колом стоит? – хмыкнул Дыбуля.

– Правда, – без улыбки кивнул Колояр. – Будет надо, я помогу, только смотри, без меня не пробуй. Она недаром сон-травой зовется: если пить ее не умеючи, то заснешь и вовек не проснешься.

– Иди, иди... Мудрец беспортошный.

Колояр призадумался, не полагается ли ему вздуть Дыбулю за «беспортошного» – он ведь уже не малец, а целый гридь, и меч у него есть. Но Эймунд обернулся на краю поляны, поджидая его, и Колояр устремился за ним.

Раздвигая сулицей ветки, Эймунд шел впереди, оба брата – следом. Больше не разговаривали, старались идти тихо, чтобы не спугнуть то неведомое, что могло ждать впереди. Сумерки сгущались. Вдруг Колояр невольно охнул; оба спутника обернулись к нему, Эймунд безотчетно вскинул сулицу, будто собирался метнуть.

– Ты что? – шепнул он, не видя поблизости ничего опасного.

– В-вон, – смущенный отрок показал на поваленный ствол у воды. – Померещилось, змей или вроде того...

Эймунд хмыкнул, однако подумал, что светлеющий сквозь сумерки изогнутый ствол с облезшей корой и правда при беглом взгляде можно принять за отдыхающее чудовище.

– Здешние змеи поменьше будут, – напомнил он. – Видели же, пока плыли.

С лодьи они правда замечали скользящих в воде пестрых ужей; довольно крупные, те, однако, не выглядели опасными.

– Тихо! – Соломка вдруг поднял руку.

Все умолкли, и в тишине со стороны воды, из-за пышных тростниковых зарослей, стал слышен шум – плеск, шорох, фыркание. Трое парней застыли, Эймунд стиснул сулицу. Свои остались у костра, шагах в ста позади. Впереди был другой край острова и вода озера. Зверь какой? А крупный, должно быть, судя по густому фырканию.

Морской змей?

Эймунд быстро и бесшумно двинулся вперед, двое братьев – за ним. У Колояра с собой был длинный нож – копать корневища сон-травы, а Соломка прихватил секиру. Пробравшись через ивняк, они наконец увидели воду. Желтые чашечки той самой сон-травы, которую искал Колояр, качались на крупных волнах от движения какого-то весомого тела. Такого, что продрало морозом – и оно было где-то совсем рядом, за свесившимися к самой воде ветками ивы!

– Ма... – невнятно выкрикнул Соломка, выпученными глазами глядя в воду под ветки.

Эймунд наконец сумел выглянуть из-за толстого сука; он почти висел, опасаясь съехать со скользкого, топкого бережка в воду.

В сумерках через протоку плыло нечто огромное. Из воды торчали широко расставленные острые рога. А за ними сквозь волны смутно виднелось серое тело с большим черным пятном ближе к голове. Поток позади него бурлил, образуя подобие длинного хвоста.

Увидев все это, Эймунд вздрогнул, сук треснул, пятка поехала. Ломая ветки, все ускоряясь, он скатился в протоку и оказался прямо перед мордой чудовища. Ушел в воду сначала с головой, но тут же, остро ощущая смертельную опасность, встал ногами на топкое илистое дно и выпрямился. Казалось, вот сейчас навалится огромное чешуйчатое тело... Или схватит зубастая пасть... Саднила оцарапанная бровь, вода текла с волос, не давая как следует разглядеть существо перед собой; сверху в кустах истошно орали два голоса, но сейчас Эймунд не помнил, кто это. Мутная вода качалась, брызги сыпались на лицо, а фыркание слышалось на расстоянии пары шагов.

Перед глазами мелькнул блестящий от воды серый бок – Эймунду он показался высотой если не с гору, то с хороший пригорок. Но тут он не посрамил своего высокого рода и оправдал выучку: он помнил, что в руке судорожно зажата не палка, а сулица. И метнул в этот гладкий бок, точно зная, что на таком расстоянии промазать невозможно.

Густеющие сумерки потряс дикий рев. Чудовище отшатнулось и бросилось к берегу. Сулица торчала у него в боку, и конец древка едва не задел самого Эймунда. Почти безотчетно он изо всех сил устремился вслед за чудовищем – сражаться в воде голыми руками нечего было и думать. Ноги вязли, мощные волны, поднятые исполинским телом, толкали, так что он едва не падал. Насквозь мокрая одежда сковывала движения.

Чем ближе подходил Эймунд к берегу и чем ниже становилась вода, тем сильнее она, казалось, тянула его назад, вниз, ко дну. Дикий рев звучал впереди, совсем близко; отчаянно стараясь сморгнуть воду, он проводил по глазам мокрой рукой, но от этого воды становилось только больше. С ревом мешались крики.

Огромная туша метнулась назад и толкнула его. Эймунд упал спиной, и мутная вода сомкнулась над его лицом.

А всему виной была отвага Колояра и Соломки. Они видели, как Эймунд скатился в воду прямо перед мордой рогатого чудовища; в полутьме зверя не удавалось толком разглядеть, но облика оно было совершенно ужасного! И вот, утопив Эймунда, страшилище рванулось к берегу. Здесь, оказывается, имелся пологий сход, пяточок песка и открытой воды между зарослями тростника и ивы – они не дошли до него всего шагов десять. Чудовище, похоже, знало эту тропу. Оно уже почти ступило на песок – огромное, как гора, с вздымающимися

рогами, будто два изогнутых меча, с длинной гривой, волочащее за собой мокрые крылья. И оно ревело диким грубым голосом, полным боли и ярости.

К чести обоих братьев и их воспитателей, мысль развернуться и бежать даже не пришла им в головы. Водяной крылатый змей напал на Эймунда, их старшего друга. Жив тот или нет, их первый долг – отомстить. И они, отчаянно вопя, бросились чудовищу навстречу. Колояр сжимал длинный нож, Соломка размахивал секирой. И обрушил ее на голову чудовищу, едва оно ступило на песок.

Чудовище метнулось назад, покачнулось, потом снова рванулось вперед. Промчалось между братьями, едва не сбив Соломку с ног; он отлетел на пару шагов, зато Колояр успел вонзить нож зверю в бок. Но зверь, не заметив, мчался дальше; рукоять вырвало из рук парня, и он остался безоружным.

И в это время перед носом чудовища вырос Богославец с копьем в руках. Рев, крики и шум сражения долетели до сидящих у костра, и вся Эймундова дружина прибежала на помощь своему юному вождю. Его пока не было видно, зато всем сразу бросилось в глаза, как нечто огромное и рогатое топчет двоих отроков.

С яростным хеканьем рослый Богославец всадил копьё в грудь чудовища. То снова заревело и отшатнулось. Лезвие вышло из раны, хлынула черная в сумраке кровь. Богославец кинулся в погоню и снова изготовился для удара; в этот миг чудовище пошатнулось и упало на бок. Воды там было человеку чуть ниже пояса, и оно почти сразу скрылось; мелькнула длинная голова на отчаянно вытянутой шее, потом пропала и она. Рев стих.

Остальные тоже затихли. Ночные птицы примолкли в испуге, и в гнетущей тишине каждый слышал только собственное тяжелое дыхание и бешеный стук сердца.

Богославец бросился в воду и вновь вонзил копьё туда, где чудовище упало, прямо сквозь мутную воду. Казалось, попав в родную стихию, оно уйдет, но нет – тяжелая туша лежала на дне и даже не дернулась под ударом копья. Богославец замер, навалившись на копьё всем весом, и пригвоздил водяного змея ко дну. Его уже окружили другие плесковичи, все с оружием наготове. Но морской змей больше не шевелился.

– Готов! – хрипло выдохнул Богославец.

– Что за хрен это был? – изумленно пробормотал Гостец, еще держа секиру изготовленной для удара.

– Эймунд! Эймунд где? – кричали Колояр и Соломка. – Искать его надо! Он утоп!

– Где утоп?

Плесковичи стали оглядываться, но по растерянным лицам было видно, что мысли их все еще с этим чудом, которое лежало под водой возле их ног, прижатое копьем Богославца.

– Его это... – Соломка показал под воду.

– Утопи... – начал Колояр, не уверенный, что же чудовище сделало с Эймундом. Неужто проглотило?

– Да не утоп я! – долетело справа. – Я здесь!

Эймунд оказался поблизости; стоял у берега полусогнувшись, по колено в воде, пошатываясь и держась за ветки ивы. Почти невредимый, он только весь промок, наглотался воды, был ушиблен, исцарапан и с трудом держался на ногах.

Ему помогли выбраться на берег, и тут его вывернуло мутной водой вперемешку с тиной.

– Что это было? – выговорил он, едва отдышавшись. – Морской змей?

– Да... Вон, Богославец его завалил, – плесковичи в недоумении переглянулись. – Пойдемте-ка глянем.

– Да ну его к лешему! – сморщился осторожный Падинога.

– Не дрожи, издохло оно! – подбодрил его Богославец. – Давайте живее, а то темнеет уже. Не разглядим, а до утра я сам от любопытства помру.

Его копье так и торчало в туше, скрытой под водой. Но его едва было видно, и приходилось спешить. Не желая показать робости, плесковичи снова вошли в воду, боязливо опустили руки. Пробирала дрожь, едва кто-то касался неведомо чьей мокрой шкуры. Немовля наткнулся на оскаленные зубы и с перепугу выдернул руку из воды; вокруг засмеялись, и напряжение немного схлынуло.

Осмелев, плесковичи стали смелее шарить по туше. Искали, за что бы ухватить, но везде натыкались только на округлые бока.

– Скользкое какое! – заметил Дыбуля. – Чешуя, видать.

– За рога возьми! – посоветовал Богославец.

За рога браться было как-то боязно. Но вот Немовля нашел конечность – не толстую, сподручно ухватить. Потянул. На свет явилась нога с копытом.

– Э, гляди! – заорал он. – У нас змей морской с копытами!

– У него еще крылья есть! – крикнул с берега Соломка. – Я видел!

Прикинув на глаз расстояние, Богославец нашарил второе копыто – заметно ближе, чем поначалу стал искать. Взявшись за каждое втроем, с натугой поволокли тушу по дну к берегу. Вот показались рога, блестящий от воды серый бок... Обещанных крыльев не было, густая грива, закрывшая морду, оказалась перепутанными плетями сон-травы и осоки. Сулица Эймунда еще торчала в боку.

Чуть придя в себя к тому времени, тот подошел и выдернул свое оружие. Острием осторожно сдвинул зеленые стебли с морды зверя.

Стоявшие вблизи разом наклонились, пристально вглядываясь. Кто-то охнул среди тишины. Богославец присел и прикоснулся к морде зверя. Потом хмыкнул.

– Братцы... Разрази меня Перун на месте... Это ж корова!

* * *

Для села Вихрцы это был тревожный день. Вечером Илко и Танчо, сыновья Камена, не сумели найти Златку, свою корову. Снова отправились на поиски на заре и обнаружили лишь останки: отрубленную голову, снятую шкуру и часть внутренностей. Отважившись пойти по следам, на другой стороне острова нашли стан неведомой разбойничьей ватаги: человек сорок мужчин и кости своей Златки. Холодея от ужаса, подростки прыгнули в челн и принесли домой страшную новость: вблизи появились разбойники-русы!

Село стояло на сухой гривке среди озер, болот и проток, и протоки служили тропинками, подводящими к каждому дому. Хижи⁵ здесь строили из пучков высушенного тростника и обмазывали илом: высыхая, он становился твердым как камень. К беленым стенам лепились яблони, груши, вишни: земли для них было не много, но благодаря тому же илу все росло хорошо. Как и прочие селения болотного края, Вихрцы жили рыбной ловлей, женщины вязали сети. Зимой косили сухой тростник и продавали: им хорошо было крыть крыши.

Этим утром хижи опустели: женщин и скотину увезли на мелкие островки и спрятали в зарослях, где чужаки не нашли бы их и за целый год. Послали гонцов в два ближайших села и велели мужчинам спешить в Вихрцы. Собравшись все вместе, подунавцы смогли бы хоть числом уравняться с русами.

Однако до вечера разбойники никак себя не проявили. К концу дня Смилян, кмет Вихрцов, с тремя мужчинами отважился наведаться на остров, где отроки видели чужих.

Остров оказался пуст, но следов там осталось множество: кострище, кости и голова бедной Златки. Куда уплыли чужаки? Где теперь появятся? Сход решил, что надо ехать в Ликостому, к багаину Самодару. Еще ночь мужчины провели без сна, с оружием в руках сторожа

---

⁵ Хижи – жилища придунайской Болгарии.

ведущие к селам протоки, а утром Смилян отправился с двумя гонцами в ближайший воеводский городок. Взял с собой и Танчо – как живое доказательство, ибо он единственный, кто видел русов своими глазами, пока Илко сторожил челн.

До Ликостомы вверх по реке был дневной переход. Сменяя друг друга на веслах по двое, к вечеру вихровцы достигли цели.

В этих краях был самый корень Болгарского царства. Близ устья Дуная, в трех переходах вверх по течению, раскинул когда-то свой стан хан Аспарух – владыка булгар-кочевников, что триста лет назад первым привел их на берега Дуная и дал им здесь новую родину. В союзе со славянами восьми племен, жителями этих земель, всадники Аспаруха обрели силу для борьбы и с хазарами, и с греками – даже брали с василевсов дань. На месте его «хринга», то есть стана болгарской орды, сейчас располагался город Преслав Малый, где жил младший брат царя Петра – Боян. Престол царства Болгарского уже полвека находился в Преславе Великом – царь Симеон, отец Петра, построил этот город как свою новую христианскую столицу. Потомки болгар-кочевников, когда-то захвативших власть над этим краем с его славянским населением, теперь составляли его крещеную знать. Смешавшись с ними, восемь древних племен теперь носили общее имя – дунайцы или подунавцы.

Ликостома высилась на ровном берегу Дуная в окружении садов и лугов, где паслись багаиновы табуны. Построили ее по образцу других болгарских городов: это была четырех-угольная крепость-калэ за рвом, полным воды, и высоким земляным валом. Поверх вала шла каменная стена, из камня были выстроены двор багаина – хозяйский дом, помещения для дружины. Имелась там и небольшая церковь Апостола Андрея. Стараниями царевича Бояна она украсилась фресками и даже двумя колоннами из сероватого мрамора: все это он раздобыл при помощи своей невестки-гречанки, царицы Ирины.

Посланцы Вихрцов добрались до места уже в густых сумерках. Даже боялись, что опоздают и придется ночевать на пристани в челне. Однако ворота калэ еще были открыты, и людей внутри показалось необычно много. В кафтанах, в сапогах, с узкими кожаными поясами – по виду все это были отроки чьей-то дружины.

– Может, они уже знают? – заметил Камен, отец Танчо.

– Добрый вечер в дом, юнаки! – Смилян сдернул овчинную шапку и поклонился ближайшим двум воинам.

Без особого дела те стояли близ ворот багаинова двора, засунув руки за свои украшенные плотным рядом бронзовых бляшек пояса, и пересмеивались, разглядывая девок и женщин, что гнали скотину с луга.

– Не позволено ли нам будет узнать – что за господин приехал с такой сильной дружиной?

– Не узнал, старче, багатуров баты⁶ Бояна? – усмехнулся один.

– Баты Боян приехал в Ликостому?

– Ну раз я здесь стою! – ответил отрок, и оба захохотали.

Дом багаина Самодара был выстроен из белого камня, с выложенными красным кирпичом округлыми сводами окон. В подражание Константинополю выстроил свою столицу, Великий Преслав, царь Симеон, а его сыновья перенесли этот облик на Преслав Малый и другие крепости своей земли. Правда, убранству его далеко было до царьградской роскоши, лишь расписная посуда на полках беленых стен бросалась в глаза яркими пятнами: рыбы, птицы, быки, олени, грифоны. Глинобитный пол в дальней, хозяйской части покрывали тканые ковры.

Багаиновы слуги сперва не хотели допускать Смиляна и его родичей: у хозяина шел пир, ему было не до каких-то селян. Лишь услышав о разбойниках-русах, ключник дрогнул: задержи он такие сведения, и самому могло не поздоровиться.

– Идите за мной, только тише! – велел он Смилянцу. – Я сам о вас доложу.

---

⁶ Баты (бата) – господин, старинный тюркский титул, употребительный у древних болгар.

Вслед за ключником трое селян прошли в дом. В хозяйском покое сияли десятки золотых огоньков: горели восковые свечи в медных подсвечниках, и оробевшим восхищенным селянам казалось, что здесь светло как днем. Гости сидели на скамьях за длинными столами, уставленными той греческой посудой, что в обычные дни украшала стены.

Издалека через раскрытую дверь доносились некие звуки, от чего селяне затаили дыхание и дальше шли на цыпочках. Глубокий, звучный мужской голос выпевал строки под перезвон гусельных струн:

Из того ли да из морюшка из синего
Остров Белый над волнами поднимается,
Волны пенные под ним да колыхаются,
Вихри лютые над ним да возъяряются.
Правит островом сам грозный Царь Морской:
Сто палат в его чертоге да еще полста,
Сто столов стоит в палатах да еще полста,
На столах стоят да блюда – красна золота,
На других стоят да чаши – чиста серебра,
А на третьих стоят чаши – скатна жемчуга.
Там гостей к себе собирает грозный Царь Морской,
Сам хозяин с молодою хозяйюшкой.

Гордость звучала в нем, когда он описывал богатое убранство, и сами звуки гусельных струн казались светлыми, будто играл он не на позолоченной бронзе, а на солнечных лучах.

Заслышав этот голос, Смилян перекрестился, то же сделали его родичи. Так делали почти все, кто впервые слышал, как Боян сын Симеона говорит и тем более поет. Казалось, этот голос шел из неведомых глубин мироздания и касался напрямую души каждого, кто его слышал. Особенно чаровал он женщин: они замирали и готовы были слушать сколько угодно – о чем бы ни шла речь. Что и подкрепляло Боянову славу как человека «знающего».

Как плывут по синю морю три кораблика,
А на них святой Андрей с дружиной верною:
Сорок с ним людей – святых мужей,
Все Христу творят молитвы – Сыну Божьему.

Всколебалось сине море, всколыхалось,
Закричал тут Царь Морской да громким голосом:
Ой ты гой еси, силен-грозен муж,
Ты зачем в мои владения пожаловал,
И зачем с тобой дружинушка хоробрая?
Отвечает ему сам святой Андрей:
Из числа дружины я Христовыя,
Я порушу твое царство все поганое,
Затворю ворота преисподние,
Да не станешь ты топить крещеный люд,
Погублять да души христианские.

Отвечает ему грозный Царь Морской:

Не боюсь тебя с твоей дружиною,
У меня дружина – посильней твоей,
Сто палат в моем чертоге да еще полста,
Вихри буйные – то слуги мои верные,
Волны синие – мои служаночки,
Я дохну – все море восколышется,
Свистну – вихри лютые возвеются,
Топну – скалы крепкие порушатся.
Размечу по свету стрелы острые,
На кого взъярюся – тому смерть придет.
Чем, святой Андрей, взамен похвалишься?
Чем порушишь царство мое славное?

Звон струн сгустился и потемнел: теперь в нем слышалось завывание бури, свист ветра, и каждый ощущал в душном покое дуновение соленого, холодного морского ветра. Становилось жутко, будто неукротимая стихия вставала во весь рост, знаменуя свое вечное торжество над слабым смертным.

Вслед за ключником пробравшись в хозяйский покой, селяне встали за спинами. Отсюда было видно лишь мерцание свечей, верхний конец стола заслоняли спины челяди. Но весь покой заполнял голос, шедший, казалось, с неба и одновременно – из глубины души каждого слушающего.

Отвечает ему сам святой Андрей:
У меня вода живая – слово Божие,
Моя сила – вера христианская,
Меч мой острый – сам Иисус Христос.
В нем людскому роду обновление,
Всем болезням лютым исцеление.
Тем порушу царство твое славное,
Сброшу тебя в бездны преисподние.

Тут огневался владыка – грозный Царь Морской,
Засвистел, владыка, по-змеиному,
Зарычал, змеяка, по-звериному,
Всколебалось сине море, всколыхалось,
Потонули разом три кораблика,
Да со всей дружинишкой Андреевой.
Как вознес молитву сам святой Андрей,
Наложил заклятье – слово Божие,
Повелел волнам сейчас уняться,
Мигом-разом стихли ветры лютые,
Унялись шальные волны синие,
Не посмели слова Божия ослушаться.
И пошел Андрей до Бела-острова,
По волнам пошел, как ровно посуху...

Не только селяне – все слушали, затаив дыхание: и сам багаин Самодар – немолодой грузноватый человек, толстощекий и толстоносый, с вислыми полуседеыми усами, – и его при-

ближенные, и дружина Бояна за длинными столами. Здесь, вдали от Великого Преслава и греческого двора царицы Ирины, все носили болгарское платье: полураспашные кафтаны с пуговицами до пояса и полукруглым меховым воротником, с поперечными полосами золотной тесьмы на груди. Все брили бороды, оставляя длинные усы, а самые знатные выбривали и голову по бокам, в височных частях, волосы с затылка заплетая в косу.

И взошел он на крутые скалы белые,
И вознес молитву он Христовую,
Всколебалось сине море, всколыхалось,
Да и вынесло на берег всю дружинушку.
Да опять вознес молитву он Христовую –
Глядь, жива его дружинушка хоробрая,
Сорок всех людей – святых мужей,
И поют все славу Сыну Божьему.

Как поднял Андрей свой посох кипарисовый,
Да ударил в тое идольское капище,
Развалились все палаты по кирпичикам,
Во сырую землю провалились.
Как опять поднял он посох кипарисовый,
Да ударил во всю силу в скалы белые,
Раскололся остров да по камушкам,
На дно моря синего обрушился.
Взял он в третий раз свой посох кипарисовый
Да ударил самого царя поганого.
Провалился тот во бездны преисподние,
Там и быть ему на веки да на вечные.
Нет больше в море Бела-острова,
Нет на острове том капища идольского,
А Андрею слава и царю Петру.

Поющий голос умолк, но никто не решился заговорить: в переполненном покое висела плотная, напряженная тишина, полная дыхания сотен людей, не смеющих пошевелиться. В этой плотности ощущалось присутствие высших сил, призванных сюда голосом певца и сошедших по нему, как по волшебной лестнице, в сердце каждого. И никто не решался своим голосом, движением, дыханием потревожить эти силы. У всех на глазах вновь свершилось это чудо – торжество Христовой веры, Божьего слова, способного повелевать и стихиями, и их духами, ибо лишь Бог создал мироздание и правит им единовластно.

– Вот такую песнь, отец Тодор, я сложил во славу Господа нашего Иисуса и святого апостола Андрея, – певец, давно привыкший к воздействию своего голоса, сам первый нарушил тишину и отложил гусли. – Чтобы славить их, я и езжу на Белый остров каждую весну, как утихнут зимние бури.

– Уж не кошунство ли сие? – недоверчиво покачал головой отец Тодор.

Это был новый священник, которого сам же знатный гость и привез сюда – служить в церкви Апостола Андрея, после того как год назад прежний настоятель, отец Христо, умер зимой от жестоких морских ветров. Отец Тодор, средних лет человек, был неглуп и весьма учен. Его далматика, хоть и простой некрашеной шерсти, но тонкой, явно греческой работы, источала сладкий дух сирийских благовоний; рыжеватая шелковистая бородка была тщательно

расчесана, красивые белые руки, бойкие глаза и яркие полные губы намекали на пристрастия отнюдь не духовного свойства. Как священник, он был даже слишком хорош для Ликостомы, но в Великом Преславе у него вышла какая-то неприятность, и епископ был рад наконец удовлетворить просьбу багаина Самодара о присылке нового попаина.

– Разве нет? – улыбнулся Боян. – Ведь сказал царь Давид: и подойду я к жертвеннику Божию, к Богу, веселящему юность мою, и на гусях буду славить Тебя, Боже мой! Гусяром был один из самых первых на земле людей – Иувал, об этом сказано в Библии, и он был отцом всех играющих на гусях и свирели.

– Но в житии святого Андрея нет ничего подобного!

– Когда апостолы по жребию делили страны, куда каждому идти возвещать людям Благоую Весть, Андрею достался Понт Эвксинский, то есть наше море Греческое, ведь верно?

– Но Епифаний Монах писал, что Андрей совершил три апостольских путешествия, однако все они... Пстой... – отец Тодор задумался, – вместе с Петром обошел Андрей Антиохию, с Иоанном – Эфес, Фригию и Никею, Никомедию... и другие земли, был он в Эдессе, Алании, Зихии... Но все это – южный и восточный берег Понта.

– Я слышал, магистр Симеон, ученый муж и собиратель деяний святых, полагает, что Андрей был и на Дунае тоже, – возразил Боян. – Ведь Скифией называют также Малую Скифию, а это здесь, в устье Дуная. Я слышал об этом от моей невестки, царицы Ирины.

– Ну, если преподобный Симеон... – с сомнением промолвил отец Тодор.

– К тому же Епифаний собирал предания об Андрее в тех местах, где ты сказал, – на востоке. В его времена здесь, на Дунае, жили еще идолопоклонники – наши предки-болгары почитали богов неба и земли, славяне тоже, хоть и иных.

– И каким же чудом они сохранили предания об Андрее?

– Как ты сказал – чудом. Но эти предания подтверждаются и другими. Рассказывают, что раз некий муж, по имени Филопатр, плыл к Андрею, чтобы узнать от него о Христовой вере, но разразилась буря, и его смыло с корабля. А когда тело его выбросило на берег, апостол воскресил его своей молитвой. Филопатр же сказал, что с ним было еще тридцать девять человек – слуг и прочих спутников, и все они тоже погибли в волнах. Апостол помолился, и все тридцать девять тел волны вынесли на берег, а Бог оживил их по молитве Андрея. А бурю ту, говорят, вызвал дьявол. И если Андрей мог укротить морские волны, вырвать у них добычу и оживить утонувших в Патрах, почему не мог здесь?

– Но никогда я не слышал, чтобы святой Андрей вступал с морским дьяволом в такое прямое противоборство, как ты поешь. Ни Епифаний, ни Симеон об этом не писали.

– Здешние поселяне издавна рассказывали это предание, я лишь положил его на струны.

– Так неужели ты веришь, что морской дьявол и впрямь обитал в этих местах?

– Я верю? – Боян усмехнулся. – Мне незачем верить. Об этом знали все. Деды наших дедов, когда Аспарух привел их сюда, много раз слышали от здешних славян о Морском Царе и его священном Белом острове. Верно я говорю, Самодар?

– Отец Тодор мог и сам слышать, – кивнул багаин. – Он читал много греческих книг, а на том острове, я слышал, святилище того дьявола основали еще сами греки.

– Греки? – Отец Тодор покачал головой. – Уж это верно кощунство! Даже иконоборцам или другим еретикам не пришло бы в голову устроить святилище морскому дьяволу!

Он явно был в растерянности: те строки, где Морской Царь хвалит себя, уж слишком напоминали славы старым идолам, какие пелись до крещения Болгарского царства и изгнания отсюда всех этих каменных и деревянных дьяволов.

– Это было за много сотен лет до святого Константина. Испокон веков, чуть ли не со времен Троянской войны, греческие мореходы останавливались на Белом острове и приносили белых и черных животных в жертву владыке моря. Там, на этом острове, как говорили, находился вход в царство мертвых...

Произнося эти слова, Боян понизил свой волшебный голос, будто тот, как невидимый ключ, мог одним упоминанием отпереть эту дверь. Многие перекрестились.

– Девять чистых дев постоянно служили в том святилище, оплакивая всех умерших в волнах, чтобы души их утешились и не причиняли вреда живым. Тех, кто почитал морского бога, он оберегал: многие принесшие ему жертву потом видели его на носу своего корабля в бурю, он смирял волны и указывал путь в безопасную гавань.

– В каком же виде он являлся людям? – с опасливым любопытством спросил отец Тодор и тоже перекрестился.

– Обычно он представлял прекрасным юношей, с золотыми длинными волосами, с золотым оружием. Если же он гневался, то являл людям свой ужасный облик – огромного змея с двумя головами. И если его видели так, это означало, что ему требуется жертва. Раз в девять лет он требовал деву или юношу. Девять раз несчастные должны были обежать Белый остров, а после того их сбрасывали с белой скалы. У себя в палатах подземного царства он играет на гуслях, и от его веселья на море поднимается буря и гибнут корабли. Но в то время остров был куда больше, чем сейчас, на нем тогда росли леса, водилось разное зверье, бил из земли священный источник. Путь к источнику вел через ворота белого камня, и только чистые девы, служительницы, могли черпать оттуда воду. Зато она обладала свойством лечить любые болезни – особенно те, что сам морской владыка и насылал стрелами своих морских ветров. А через расселину ручеек стекал в подземное озеро – оно и было входом в царство мертвых. Но его, говорят, не видел никто из живых...

Жена Самодара – уже немолодая женщина, с морщинистым смуглым лицом и без передних зубов, потерянных после родов и кормления детей, – горестно вздохнула, вспоминая отца Христо, ее большого друга, и пятерых своих рано умерших младенцев, коих тот крестил и почти сразу отпевал. Раньше сказали бы, что его убили стрелы, те самые стрелы морского бога, а теперь все в воле Божьей, и по воле его здесь новый священник...

Самодар с недовольством покосился на жену:

– Госпожа моя Живка! Что ты развесила уши, а у наших гостей в кубках сохнет дно!

Очнувшись, хозяйка взялась за кувшин с вином. Улыбнулась, подойдя к Бояну, и от этого Самодар снова нахмурился. Низкий и притом нежный, будто теплая шелковая рука, ласкающая душу сквозь покровы одежды и тела, голос Бояна сводил с ума всех женщин – всякого возраста и рода. Удивительно, но при этом он вовсе не имел склонности к распутству. С женщинами высокородными он был снисходительно любезен, простых не замечал, но само его появление, а тем более всякое сказанное им слово чаровало их, и они тянулись к нему, как все живое тянется к солнцу. И, будто перед небесным светилом, целовали свою руку и посылали тайком поцелуи ему вслед – скорее благоговейные, чем страстные.

– И туда ты направляешься, на этот дьявольский остров? – Отец Тодор воззрился на Бояна со смесью изумления и негодования. – Хочешь увидеть адские врата?

– Всего этого уже нет, – успокоительно улыбнулся Боян. – Апостол Андрей изгнал дьявола и разрушил Белый остров. Теперь это совсем небольшой островок, на нем ничего нет – ни прежних лесов, ни источника, ни, само собой, святилища. Только клочок сухой земли, немного развалин да крест святого Андрея. Поклониться Андрееву кресту я и езжу каждую весну.

– А ты уже меня напугал! – с осуждением ответил отец Тодор. – Я знаю, селяне до сих пор славят своих старых дьяволов, всех этих якобы богов из камня, дерева и зеленой травы. Приносят жертвы самовилам и всяким прочим басурканам...⁷

– Но не я, конечно! – Боян снова улыбнулся. – Мне ли поклоняться старым богам – родичу василевсов, кормчих христианского корабля, земного Христа!

---

⁷ Басуркан (*тюрк.*) – злой дух, ночной кошмар.

Пока они беседовали, ключник пробрался к багаину и что-то прошептал ему на ухо. Самодар нахмурился, огляделся. Ключник показал ему на селян у двери, и тот кивнул.

– Прости, отец Тодор, что я вас прерываю, – Самодар почтительно кивнул священнику и князю, – но мне доложили, приехали селяне из плавней. Говорят, на их село напали разбойники и отняли скот. И говорят, что это были русы. Если эта нечисть завелась в наших краях, нам стоит узнать об этом поскорее. Ты позволишь мне расспросить их?

– Зови их, – кивнул Боян и с любопытством огляделся.

Ключник сделал знак, но Смилян и родичи, оробевшие от всего услышанного, не решились выйти вперед, пока багаиновы слуги почти не вытолкали их. Комкая в руках овчинные шапки, они остановились у края тканого ковра на дальней, почетной половине покоя.

В хозяйской половине, ярко освещенной десятком свечей, было светло как днем. Смилян стоял прямо напротив баты Бояна и мог бы хорошо рассмотреть его и узнать – им и в прежние годы случалось встречаться, – но почему-то не получалось. Казалось, лицо царевича сияет, как солнце, так что на него невозможно взглянуть прямо. Будто святыня, оно отталкивало взгляд. А может, слепил непривычно яркий свет восковых свечей.

– Добрый вечер в дом... – бормотал Смилян, кланяясь. – Жить счастливо сто лет багаину Самодару и баты Бояну... Прощенья просим, что потревожили пир ваш и беседу...

– Подойди ближе, не бойся! – приветливо пригласил Боян. – Я не слышу, что ты бормочешь. У вас русы отняли скот? Откуда ты? Из какого села?

Смилян перекрестился, переступил с ноги на ногу, будто собирался идти по тонкому льду, и шагнул на ковер. Когда он в следующий раз поднял глаза, до сиденья Бояна оставалось три шага. Крестное знамение помогло, или свечи уже так не слепили глаза, но теперь он видел Бояна, как всякого человека... Но не мог прогнать впечатления, что это совсем не обычный человек, а некто высший, лишь принявший облик человека.

Да разве царский сын может быть обычным человеком?

Во внешности Бояна сказывалась легкая примесь степняцкой крови, но скорее как наследие жен, коих прежние болгарские ханы-князья брали из родов угорских и печенежских вождей, чем самих Кубрата и Аспаруха. Высокого роста, с большими дымчато-серыми глазами открытого разреза, с ямочкой на подбородке, он был не слишком красив лицом, но об этом никто не задумывался: главное очарование составлял голос и та внутренняя сила, что в нем звучала. Храня верность старинным обычаям, Боян носил болгарский кафтан, напоминавший о степном истоке его племени, и узкий пояс с узорными позолоченными бляшками.

Запинаясь, Смилян поведал, как два отрока искали в плавнях пропавшую корову и нашли сперва ее отрубленную голову, а потом разбойничий стан на острове. Пришлось позвать и Танчо. Отец и дядька силой выпихнули отрока на хозяйскую половину покоя, где он и застыл, будто каменный, уронив руки и потупившись.

– Ты, отроче, сам видел русов на острове? – раздался, казалось, прямо над головой звучный голос, касавшийся блаженством не слуха, а самой души.

Наверное, так говорили ангелы, что нарисованы в Андреевой церкви на стенах, когда приносили людям Божью волю.

– Видел... – прошептал Танчо себе под нос, но поднять глаза на царевича ему казалось так же невыносимо, как на солнце, если бы оно вдруг сошло с неба и село в трех шагах от него.

– Но как же они не видели тебя?

– А я подполз... Тайком... Мы с братом были оба... Он ждал, а я подполз.

– И близко?

– Вот как до... – Танчо не посмел сказать «как до тебя»: мнилось, будет дерзостью, что он-де близко до самого Бояна, и он просто показал рукой на носки его сапог. Простой некрашеной рыжей кожи, эти сапоги тем не менее сами источали некое сияние. – Видел их дозорного, и как они все спали. А их дозорный тоже спал.

– Вот как? – Боян усмехнулся. – Все спали?

– Потом один, молодой, проснулся и бросил в него кость. Все проснулись и стали браниться. А я тогда уполз назад к брату, и мы ушли в челне.

– Много их было? – спросил хмурый Самодар: ведь это в его комитате⁸ появились разбойники.

– Три или четыре десятка. Я видел, как они все спали. Начал считать, но тут он проснулся...

– А мы потом приплыли с селянами, их уж не застали, – вступил в беседу Смилян. – Кости видели той коровы, кострище и следы. От одной лоды след. И по следам видно – три или четыре десятка.

– Тотчас же дружину пошлю... – начал Самодар.

– Не нужно, – Боян взглянул на него. – Я же направляюсь к побережью. Если эти люди еще здесь, мы их не минуем.

– Но у тебя всего полсотни!

– И по-твоему, багаин, пятьдесят княжеских багатуров – это мало на тридцать ли даже сорок русов?

– Но что, если их там больше? Что, если селяне видели не всех или ошиблись?

– А были другие жалобы? Они грабили еще кого-то?

– Больше ко мне никто не приезжал с этим.

– Но может, кто-то уже не в силах пожаловаться! – намекнул отец Тодор. – Если убит или взят в плен!

– Вот я и выясню, что там в плавнях происходит. Нам поможет Господь и святой Андрей! Ну, отроче, ты берешься показать мне тот остров, где погибла ваша корова? – обратился Боян к Танчо. – Да не смущайся ты так! Я не ел вашей коровы, так почему ты боишься меня больше, чем трех десятков русов? Мне даже с трудом верится, что ты так смело вел себя в тот день, как рассказываешь!

И тут наконец Танчо поднял глаза и робко улыбнулся. Немыслимо было сдержать улыбку для того, на кого с приязнью смотрел царевич баты Боян.

* * *

Родного брата княгини Ингваровы дозорные пропускали беспрепятственно. Держа путь на горящий костер, Эймунд миновал ряд темных шатров княжьего стана. Оба его высокородных зятя – князь и первый среди его воевод – сидели у огня, пламя бросало отсветы на белые рубахи. Они были увлечены беседой, но, подняв глаза на движение и увидев Эймунда, Мистина запнулся, взял с земли ветку и бросил в огонь.

– Да говори! – велел Ингвар, проследив за его взглядом и тоже заметив Эймунда. – Это наш с тобой общий шурин, и плесковский воевода, и он уже взрослый парень. Может, присоветует чего. Садись, – кивнул он Эймунду.

– Что я должен присоветовать? – настороженно осведомился тот, опускаясь на кошму.

– Дружина недовольна, что мы сидим в этих болотах уже который день, – ответил ему Мистина. – А я недоволен тем, что с каждым днем о нас знает все больше болгар. Эта ваша клытая корова...

Ингвар ухмыльнулся, потом, не удержавшись, засмеялся в голос.

– Ну, так получилось! – Эймунд смутился, но потом тоже засмеялся. – Кто же мог знать, что здешние коровы плавают в озерах, что твой морской змей!

---

⁸ Комитат – административная единица деления древней Болгарии.

Скрыть приключение оказалось невозможно, и к вечеру того же дня, как Эймунд вернулся с охоты, о его сражении с коровой знало уже все войско. Ингвар и Мистина ржали как сумасшедшие; отсмеявшись и вытерев слезы, Ингвар сказал: «Отныне ты будешь зваться Эймунд... Морской Змей». И Эймунд вздохнул с облегчением: ему ведь светило прожить остаток жизни с прозвищем Губитель Коровы или что-нибудь вроде того.

Мистина тоже хмыкнул, но тут же вернулся к тому, что его занимало:

– У этой йотуновой коровы ведь были хозяева. Надо думать, они потом ее искали и огорчились, когда нашли.

– Но я готов заплатить возмещение! Я же не знал, где они живут, а задерживаться не хотел! Пастухов при ней не было.

– Или они от вас спрятались, – вставил Хрольв, лежавший на кошке рядом с Ингваром. – Я бы спрятался, если б увидел, как трое отроков кидаются с оружием на корову! От таких... удалцов чего угодно ожидать можно!

Гриди вокруг сдержанно хмыкали, чтобы не смеяться открыто над братом княгини.

– Все правильно ты сделал! – махнул рукой Ингвар. – Если бы ты пропал, как вон Илаевич, мне пришлось бы поднимать войско и идти тебя искать. Иначе Эльга бы меня...

– Домой не пустила, – подхватил Мистина. – И у нас вышла бы война с болгарами, а не греками. А чем больше людей о нас знает здесь, тем меньше надежды, что греки о нас не услышат заранее. А ждем мы, как ты помнишь, твоего брата Хельги Красного.

– Бояре говорят, к лешему Хельги! – вставил Сигват, двоюродный брат Ингвара. – У него людей-то всего сотен шесть-семь. Не сильно-то он нам нужен.

Этот поворот Эймунду совсем не понравился. От дяди Торлейва, из бесконечных домашних разговоров минувшей зимы он знал, что Хельги Красный год назад отправился в поход на хазарский Самкрай, чтобы поддержать славу и влияние Олегова рода. А они очень в этом нуждались, после того как все владения Вещего оказались в руках Ингвара в обход прав законных наследников. Но судьба подшутила над русью: Хельги Красный обрел силу не в войне, а в примирении с хазарами, и сейчас своей дружбой с булшицы Песахом прикрывал Ингвару спину в его походе на Царьград. Не дожидаться Хельги означало принизить его заслуги и весь род Вещего. А пока Хельги при войске нет, старшим защитником родовой чести остается он, Эймунд.

– Нет, надо его дожидаться! – горячо возразил Эймунд. – Шестьсот человек – не пес начинал, больше только у тебя самого! Он же мой брат... Он племянник Вещего. Вы же уговорились идти на греков вместе, будет нехорошо нарушить слово. И чем больше с нами потомков Вещего, тем сильнее наша удача!

Мистина бросил на него взгляд, в котором ничего нельзя было прочитать. Как сильно он любил княгиню, так же сильно терпеть не мог ее братьев и прочую мужскую родню. Даже Эймунда, хотя тот ничего дурного не сделал и вообще хороший парень. Но их родство с Вещим было будто затаившееся пламя, способное в любой миг вспыхнуть и все погубить.

– Хельги... – Мистина подавил вздох, – а что, если он решил свою про... Свою знаменитую удачу одолжить хазарам, то есть Песаху?

– Может, они там уже взяли Сурож и Корсунь, – с горячей досадой заговорил Ингвар, – набрали добычи, теперь сидят с бабами, жрут вино в три горла и идти никуда больше не хотят! А мы тут торчим в болоте, как дураки, с коровами, тля, воюем! А могли бы давно уже быть в Суде и взять свою добычу – получше той!

– Или, может, Песах передумал, – буркнул Хрольв.

– Или передумал! – согласился Ингвар. – А мы тут будем его ждать, пока снег не пойдет!

– Хельги не мог, он же обещал! Он дал слово!

– И все-таки я советую подождать, – к облегчению Эймунда, поддержал его Мистина. – Идя на греков, мы хазар оставляем за спиной. И очень не вредно знать, кого мы оставляем – союзников или врагов. А этого мы не узнаем, пока не дождемся хоть каких-то вестей от Хельги.

– Пока мы этого ублюдка краснорожего будем дожидаться... – запальчиво начал Ингвар.

В это время из темноты у границ стана донесся свист дозорного. Все разом замолчали и прислушались. В тишине, сквозь потрескивание костра, стало слышно, как дальше по берегу звучит рог. И выпевает «Все ко мне!» – знак тревоги.

– Ёж твою в киль! – Мистина оглянулся на своего оруженосца. – Это у Буеслава!

– Дождались, йотуна мать! – Ингвар тоже вскочил.

* * *

Мистина не ошибся: трубили в стане черниговской дружины. Она была из самых многочисленных и уступала только большой дружине самого князя. Чернигость привел почти четыре сотни человек: славян, саваров и даже хазар, живших на подвластных ему землях – само собой, пеших. Старый воевода, выдавший замуж внучку, решил сам возглавить поход.

– Давно живу, надоело! – смеялся он. – Уже едва секиру поднимаю. Еще потянуть мочало – и вовсе на соломе помру в портках намоченных! Если я Перуну нужен – пусть подхватывает!

И отправился в поход, оставив дома младшего сына Грозничара – обиженного решением отца, но вынужденного покориться.

А Перун, знать, услышал старика. Именно дружине Чернигостя выпало первой в этом походе принять бой – без объявления и подготовки, даже не одевшись. Черниговский стан растянулся вдоль впадающего в море русла Дуная. Прочие дружины, численностью поменьше, заняли мысы неровного побережья, там, где текли ручьи и речушки. Между станами зеленели заросли, поднимались песчаные холмы, и все русы одновременно друг друга не видели. Даже костры всего войска разом можно было разглядеть лишь с возвышенности. Буеслав, младший родич Черниги по первой жене, состоял у него под началом, и его дружина устроила стан выше всех по руслу Дуная: пять шатров и лодья.

Чернига этот вечер проводил здесь. Большая часть дружины отдыхала, но посередине еще горел костер. Дозорные прохаживались вдоль внешней границы стана. Буеслав лежал, опираясь на локоть, и уже клевал носом, трое-четверо его отроков дремали на кошмах вокруг костра. Но Чернига, томимый бессонницей, все никак не успокаивался и рассказывал какую-то повесть о временах своей юности. Буеслав и отроки уже сорок раз слышали все его любимые байки про Неголаду, старшую сестру Черниги – лет тридцать как покойную. Но в молодые годы она имела славу женщины-осилка: крупная и могучая, могла побороть любого мужика и не раз вступалась за собственного мужа на весенних стеночных поединках, если считала, что с ним кто-то обошелся не по чести.

– И вот стоит этот мужик, а Негуля ему: это кто ж такой выискался? – весело рассказывал Чернига. Ему-то эта повесть юных лет никогда не надоедала и каждый раз доставляла новое, свежее удовольствие. – Это кто ж тут совесть дома забыл! Так и говорит: кто ж тут совесть дома забыл?

Из тьмы вылетел рой стрел. Пятеро дозорных разом рухнули, лишь кто-то один сумел вскрикнуть.

Стрела вонзилась в грудь Черниге – прямо под седую бороду. Не договорив, не закрыв рта, он лишь вытаращил глаза, как от великого изумления. И не успел даже упасть, как со стороны реки на свет костра выскочило... Нечто.

Толком не проснувшись, Буеслав прынул на песок и стремительно откатился прочь из освещенного пространства.

Во тьме у воды вспыхнули огненные искры и ринулись вперед – десятка два пылающих стрел осыпали шатры, где спали черниговцы.

И только потом раздались звуки. С диким волчьим воем со стороны ночной реки в стан ворвались... Скорее духи, чем люди. Уцелевшие дозорные и те немногие, кто еще сидел у костров, даже не сразу сообразили вскочить и схватиться за оружие.

На них набросилась сама темнота. Из тьмы падали удары вслед за мгновенным просверком клинков; черниговцы гибли, получали ранения, падали на песок, орошая его кровью, но так и не понимали, что происходит. И только вблизи, у самых костров, удавалось заметить движение человеческих фигур – или похожих на человеческие. Быстрых, черных, без лиц.

Кто-то из уцелевших дозорных вскинул рог и затрубил. Почти все горящие стрелы погасли сразу, но одна попала под полог шатра, где была сложена растопка для костра: там затлело и чуть позже вспыхнуло. Из шатров выползали полуодетые люди: на ходу надевали шлем, волоча за собой меч или топор, хватали копье из-под щитов, сложенных под пологом снаружи. Иные гибли под клинком невидимых бесов, не успев поднять головы.

– Перу-ун! Оди-ин! – вопили рядом: это бежали на шум люди из большого черниговского стана.

Его отделяли заросли кустов и небольшой песчаный пригорок; на этом-то пригорке сидела пара дозорных. Еще не поняв, что происходит, они сообразили главное: надо поднимать тревогу.

Уже по всему берегу звучали рога и слышался шум. Не успевшие заснуть хватали оружие и бежали на зов рога. В Буеславовом стане шла нешуточная схватка; костер затоптали, но теперь уже два шатра горели, освещая поле битвы. Во тьме ясно белели сорочки русов – надеть кольчугу или иной доспех почти никто не успел. Метался сам Буеслав – в рубахе, но в шлеме, с мечом и щитом.

Бегущим к нему казалось, что младший черниговский воевода сошел с ума и сражается с темнотой. Или с бесами. С близкого расстояния бесов становилось видно: черные, с черными лицами, они выскакивали из темноты, наносили удар и вновь сливались с темнотой. Не понимая, не сон ли это, русы орали от жутки и возбуждения, однако руки привычно делали свое дело – не зря же воеводы нещадно гоняли набранных бойцов всю зиму.

– Бей их! – орал Буеслав. – Бей! Онидохнут! Н-на, мразота!

Бесы оказались смертными – получив удар копьем или секирой, они падали так же, как обычные люди. На песке между черниговскими шатрами уже везде виднелись тела: в белом – свои, в черном – чужие. Белых было довольно много. Но и живые свои все прибывали – вдоль прибрежной полосы все дальше разносились голоса рогов, зовущие «Все ко мне!», десятками и уже сотнями бежали русы в шлемах и с оружием, увязая в песке босыми ногами и бранясь на ходу.

Видя, что враг превосходит числом, бесы стали отступать: больше их уже бежало к реке, чем оттуда. Довольно много, голов десять, не хотели уходить: встав у затоптанного костра плотным строем, они отбивались и пытались пройти дальше в глубину стана. Лишь видя, что русов слишком много и вот-вот они будут окружены, несколько бесов проскочили к реке и прыгнули в лодку. Еще трое или четверо так и погибли, насаженные на длинные копы, но не сошли с места.

И драка прекратилась – оказалось, что сражаться больше не с кем. Еще звучали рога, раздавались крики, брань и стоны, но кругом остались лишь свои – кто в кольчугах, кто в рубашках.

– Огня дайте! Костер! Да разожгите, не видно ни хрена!

Два шатра догорели, наступила тьма, лишь искры и головни тлели на песке, и пылали два-три факела, принесенные из большого черниговского стана.

К берегу подошли два скутара, полные людей: Ингвара и Мистины. Среди стана вновь разожгли костер, площадка осветилась. Везде топтались возбужденно дышащие люди, держа оружие наготове, пламя тускло отсвечивало на боках шлемов. Кто-то уже поднимал и перевязывал раненых. Люди Буеслава тащили со всех сторон черных «бесов» – частью живых, частью мертвых. Сам он, еще в шлеме и с мечом в руке, сновал туда-сюда и распоряжался: перевязывать раненых, выставить новых дозорных.

– Чернигошь! Где воевода? – слышался голос Мистины. – Орлы, где ваш старик?

Рауд и Мысливец привели двоих связанных бесов и толкнули на песок возле Ингвара.

– Это что? – Ингвар в изумлении воззрился на пленников.

В это время его окликнули и даже прикоснулись к плечу: обернувшись, он увидел Ратияра, из числа телохранителей Мистины.

– Свенельдич зовет. Чернига убитый, – шепотом добавил Ратияр.

– Ой, ё... – забыв о пленниках, Ингвар пошел за оружником.

Мистину он нашел у шатра: тот стоял на коленях возле лежащего тела. К старику склонились еще двое.

– А ну пусти! – окликнул Ингвар.

Черниговцы расступились. Старый воевода лежал вытянувшись; аланская шапка валялась возле седой головы, на белом полотне сорочки резко багровело большое неровное пятно, открытые глаза спокойно смотрели в небо.

– Он был уже... – его оружник, хазарин Контеяр, показал вынутую из груди старика стрелу. – Умер уже, я тогда вынул... Я проверил...

– Йотуна мать... – пробормотал Ингвар, едва веря глазам и силясь уложить в голове это внезапное несчастье.

По сути, поход еще не начался по-настоящему, а он уже потерял одного из старших воевод. Вождя крупнейшей дружины, кроме собственной, главу знатнейшего воинского рода Русской земли. Воевод у Ингвара сейчас было с полсотни, но среди них Чернигошь деснянский превосходил всех и возрастом, и опытом. При Вещем он не раз ходил в заморские походы, и он единственный из нынешних воевод был в Олеговом походе на Царьград. Второй раз не судьба была увидеть каменные стены над Судом...

– Пойдем! – Мистина легонько хлопнул князя по плечу и встал. – Разберемся, что это за бесы были.

– Уж я этих бесов сейчас...

– Шестеро живы! – доложил Гримкель Секира, когда оба вождя вышли к большому костру. – И с два десятка убитых.

– Сколько-то утекли еще! – добавил Забой. – Я видел: шась в темноту – и пропал!

– Чего же ты глядел-то? – попрекнул кто-то.

Мистина отошел, раздавая приказания своим людям: Скудота с десятком прыгнул в лодью и погреб вверх по Дунаю, Хвалина – вниз, к морю, Альв собрал еще троих десятских и показывал в разные стороны – рассылал проверить, не идут ли в поддержку «бесам» другие болгарские дружины. Мистина вернулся к князю. Сохраняя внешнее спокойствие, он охотно сам себе надавал бы по шее. Холодел при мысли, что русы прохлопали приближение вражеского отряда – а ведь каждый стан был окружен дозорными! Их обманули, без огней подойдя с воды, в то время как русы по очень старой, идущей еще от викингов привычке охраняли стан и корабли только со стороны суши. Уж слишком привыкли сами приходить смертью с воды и не учли, что в этих приморских, низких, заболоченных краях море и русло Дуная были почти единственной дорогой – оттуда и следовало ждать нападения.

Мысленно благодаря богов за милость к дуракам, Мистина давал себе страшные клятвы этот опыт запомнить. Хоть бы отец не узнал – уж он-то такой глупости не сделал бы.

Тем временем двое гридей подняли «беса», со связанными руками сидевшего на песке. При свете огня стало видно, что лицо его вполне человеческое, только густо вымазано чем-то черным. Жутковато блестели белки глаз.

Вдруг он шелкнул зубами, будто пытался укусить Рауда; тот от неожиданности вздрогнул, едва не отшатнулся, но овладел собой и в досаде врезал бесу кулаком в лицо. Тот отлетел на Ярогостя, а Рауд поднял кулак, потер его пальцем.

– Сажа, что ли?

– Ты кто такой шустрый? – спросил Ингвар у беса.

Тот хмуро глянул на него и ничего не ответил.

– По-человечьи говорить умеешь? – по-славянски спросил его Мистина.

Тот ответил тоже взглядом, но видно было: понял.

– Кто такие? Кто ваш вождь? Сколько вас было?

– Это вы кто такие? – раздался вдруг в ответ голос со стороны бесов, кучкой сидящих на песке под охраной гридей. – Ты здесь главный? Говори со мной. Кто *ты* такой?

Непривычно произносящий слова голос звучал хрипло и прерывался от тяжелого дыхания, но за ним слышалась твердая воля и привычка отдавать приказы.

И было еще что-то в этом низком голосе такое, что Ингвар и мужчины вокруг невольно вздрогнули – нечто, способное проникнуть под кольчугу, под одежду и кожу и коснуться души.

Сразу почуяв рядом другого вождя, Ингвар обернулся. Вгляделся, стараясь понять, какая из этих черных голов обращается к нему. Кто-то из отроков поднес горящую ветку.

Из гущи сидящих один встал, опираясь на плечи своих братьев локтями связанных рук.

Ингвар оглянулся на Гримкеля и кивнул; беса подвели поближе. Шел он с большим трудом, почти повиснув на руках гридей.

Это оказался мужчина средних лет, довольно высокий, без бороды, но с длинными черными усами на вымазанном сажей лице. По бокам, над висками, голова его была выбрита, а длинные волосы с затылка заплетены в косу – тоже черную, то ли от сажи, то ли от природы, не понять.

– Вот так бес – хвост на макушке, – пробормотал рядом изумленный Гримкель.

Ингвар смерил пленника взглядом. Тот был выше его ростом, но Ингвар давно научился смотреть сверху вниз даже на тех, кто его превосходил. Глаза беса взирали на него с негодованием, но без робости. На черной одежде крови видно не было, но по тому, как тот стоял, Ингвар угадал рану на бедре.

– А ты из какой Нави вылез и кто ты такой?

– В Нави ваши близкие, – бросил бес, и снова русы вокруг вздрогнули от звука его голоса. – А мы – христиане.

– Христиане вы! – Ингвар шумно выдохнул и в ярости сжал кулаки. – Какого хрена вы сюда полезли! Деда загубили! Да я вас всех с ним на краду положу, йотуна мать! На том свете будете век ему служить!

– Здесь где-то близко ваш царь? – спросил Мистина. – Или его бояре?

Глядя на пленника, он одним ухом прислушивался: не возвращается ли какой-то из посланных на разведку десятков, не несут ли тревожные вести о болгарском войске поблизости.

– Отвечай, навья рожа, – убедительно посоветовал он. – Ведь все равно заставим.

– Царь Петр в Великом Преславе.

– Сколько здесь рядом еще его людей? Он прислал войско?

Пленник помолчал. Огляделся – со всех сторон его окружал плотный строй русов. Во взгляде его читалось изумление, растерянность, смятение и злость. Было похоже, что и он с трудом верит своим глазам.

– Ну? – Голос Мистины звучал ровно, однако не оставлял сомнений, что на размышление и добровольный ответ у вопрошаемого не так уж много времени.

– Не, – с явной неохотой обронил пленник и поднял на Мистину глаза: при свете близкого огня в них отражалась досада, но не страх. – Здесь больше нет никого из болгар.

– Хочешь сказать, что напал на целое войско с полусотней? – Ингвар недоверчиво хмыкнул и упер руки в бока. – Кончай свистеть.

Пленник перевел на него взгляд. Последнего слова он не понял и кивнул:

– Я был так глуп, что пошел только с малой дружиной.

– Ты что, берсерк?

Пленник опять не понял и вместо этого спросил:

– У вас великое войско?

Он еще раз обвел глазами площадку: везде теснились вооруженные люди и постоянно подходили новые. Доносился гомон, идущий от сотен людей: прибывали гонцы от дальних дружин, к концу здешней схватки едва успевших прослышать, что «у черниговцев какая-то заваруха». Теперь они пытались понять, что произошло, есть ли опасность и надо ли вмешиваться. Стоявшие близ костра были еще в рубахах, а задние ряды уже подходили во всем снаряжении: кольчуги, шлемы, щиты.

Зорко наблюдая за болгаринном, Мистина видел, как тот неприметно меняется в лице: стараясь себя не выдать, он тем не менее был потрясен.

– Ты не знал, что нас так много?

Болгарин перевел на него взгляд:

– Сколько вас?

– До хрена! – мрачно ответил Ингвар.

– Вы пришли завоевать царство Болгарское?

Мистина огляделся и еще раз прислушался. Вокруг гудели возбужденные голоса, но если бы посланные на разведку наткнулись на чужих вблизи стана, то знак уже был бы подан.

– Значит, здесь больше никого из ваших нет и ты напал на нас с малой дружиной, потому что не знал, что нас много? – повторил он.

Пленник кивнул.

– Ну и дурак! – отрезал Ингвар. – Теперь с дедом пойдете. Из-за вас он погиб, вы и проводите.

– Ваши боги не получают наши души. Мы крещены и спасены от власти сатаны. Моя смерть не принесет вам пользы... Но за мою жизнь вы можете получить выкуп, – с неохотой, явно по необходимости сознался пленник. Но потом заговорил увереннее: – Кто из вас главный в этом войске?

Он глянул по очереди на Ингвара и Мистину – как и многие другие до него, кто впервые видел этих двоих. Оба были в кольчугах, с поясами в серебряных бляшках, слева – рейнские мечи с богато украшенной рукоятью и ножами, справа – скрамасаксы. Каждый держал в руке снятый шлем с позолоченной отделкой, обозначающий воеводу. По виду этих двоих нельзя было сказать, который главный, а ростом и статью Мистина всегда превосходил побратима.

– Я, – весомо начал Ингвар, давая понять, что оказывает честь, отвечая, – князь русский Ингвар.

– Русский князь? – Большие глаза пленника раскрылись еще шире. – Сам ты? Верно ли сие? Из Киева?

– Да.

Пленник снова переменился в лице. До него полностью дошел размер бедствия, обрушенного Богом на землю Болгарскую.

– Зачем ты сюда явился? – Он устремил на Ингвара пристальный взгляд, скорее негодующий, чем испуганный. – Ты – киевский князь руси Ингвар? Мы слышали, что человек с

таким именем недавно отнял власть у законного князя, Олега, Олегова внука. Слышали от греков. Это ты?

– Да, это князь руси Ингвар, – подтвердил Мистина. – А я – его первый воевода, мое имя – Мистина Свенельдич.

– Я слышал о Свенельде, – кивнул пленник. – Еще бы мне не знать того, кто захватил наши старинные владения в областях уличей и тиверцев. Так что же, вы пришли тем же путем, отнять у царя болгар земли до самого Дуная? Или дальше, и вскоре вас увидят под стенами Великого Преслава?

– А красиво звучит, – на северном языке шепнул Мистина и прикусил губу, чтобы скрыть неуместную усмешку. – Чего мы сами не додумались?

– Если ты хочешь получить дань с болгар за то, чтобы не разорять нашу землю, то можешь для начала поговорить со мной, – довольно быстро пленник взял себя в руки.

– Ты кто? – спросил Мистина.

– Я – Боян, сын Симеона.

– Симео... – нахмурился Ингвар, а потом до него дошло. – Так ты что же – брат Петра?

– Да.

– Что? – охнул Мистина. – Не врешь?

Болгарин повернул голову и окинул его презрительным взглядом.

– Поклянись! – потребовал Мистина, не веря в такую удачу... или несчастье.

– Я мог бы перекреститься, если бы меня развязали.

Повисла тишина. Ингвар не спешил отдать приказ освободить пленнику руки, а лишь пытался осознать услышанное.

– Ёж твою в киль! – очень душевно сказал Мистина и огляделся. – Да перевяжите его кто-нибудь уже! Быстрее!

* * *

Триста лет назад болгары, приведенные Аспарухом на Дунай, говорили на языке, схожем с хазарским. Они были почти так же чужды обитавшим здесь славянам-дунайцам, как русы – племенам на берегах Волхова и Днепра. Одни – с седла, другие – с лодьи захватывали власть над славянскими общинами, но со временем срастались с ними, перенимали их язык, имена и привычки. Болгары, хоть изначально отличались от своих данников сильнее, чем русы – от своих, успели зайти по этой дороге дальше. Первое славянское имя – Владимир – в их роду носил дядя нынешнего царя, в то время как у русского князя славянским именем звался маленький сын. Даже знать бывших кочевников теперь говорила по-славянски, с небольшой примесью старинных болгарских слов. Благодаря этому болгары и русы понимали друг друга, хотя изначально гребцы и всадники различались между собой так сильно, как могут люди в пределах одной части света.

Бояна и уцелевших его людей переправили в княжеский стан. Мистина готов был на всех богов пить в благодарность, что у того оказалось при себе всего пятьдесят человек. Было бы три сотни, три тысячи – русы потеряли бы куда больше, чем шестнадцать убитых. Еще двадцать два раненых... И воевода Чернигошь.

Колошка осмотрел и перевязал раны Бояна – длинный глубокий порез на бедре и еще одну, легкую рану на ребрах, – и теперь пленник полулежал на кошке возле костра, опираясь спиной о бревно. С другой стороны от огня расположились Ингвар и Мистина, их люди сидели и лежали на земле вокруг.

– Вот же тролли принесли! – на северном языке шепнул князь Мистине, глядя, как Колояр, с суровым от сознания важности дела юным лицом, промывает рану пленника и накладывает повязку.

Когда Колошка стянул с болгарина кафтан, стала видна золотая гривна на груди – отличный знак воеводы, известный и русам, и славянам. Под столь простой одеждой носить такое сокровище мог только царский сын.

– Он тоже о нас не знал, – на том же языке ответил Мистина. – Иначе не полез бы на целое войско с пятью десятками. Гляди бодрее – он тоже удивился. И пока нам везет больше.

– Это потому что нас самих больше. А вляпались мы, как щенки в дерьмо...

– Это точно, – признал Мистина. – Вляпались. Но пока он у нас в руках, а не мы – у него.

– Но это что – теперь я воюю еще и с болгарями? Йотуна мать, чего только не хватало!

– погоди. Может, нам, наоборот, повезло. Раз уж нам боги послали в руки кейсарова брата, Петр будет вести себя смирно.

– Или соберет войско и пойдет его отбивать.

– На него не похоже. А если да – тогда мы повесим этого беса хвостатого на берегу и уйдем.

– А Хельги?

– А Хельги придет сюда и наткнется на очень злых болгар. Со своими шестью сотнями.

Ингвар отвел взгляд от пленника и воззрился в лицо побратиму. Тот остался невозмутим, лишь отблески костра перебежали по его сломанному носу. Им не требовалось объяснять друг другу, как приятно было бы выпить на тризне по Хельги сыну Вальгарда, по прозвищу Красный. А также напоминать, почему они не сделали этого до сих пор.

И в сердце Ингвара вспыхнула надежда, что все именно так и будет и они избавятся от брата своих жен, не повредив чести.

– Но это только если кейсар пойдет на нас, а это почти невозможно, – добавил Мистина, снова поглядев на Бояна и Колошку. – Ладно, они закончили. Пойдем, поговорим.

Пленнику предложили хлеба и печеной рыбы, но Боян отказался, и Ингвар понял почему: болгарин не мог есть, не разобравшись, из чьих рук принимает пищу. Глядя на растянувшегося на кошме Бояна, Ингвар был мрачен. Недолго было подумать, что на русов и впрямь ополчились бесы и кудесы. Гнев на убийцу Черниги мешался с изумлением и смятением. Насколько Ингвар знал положение дел в Болгарском царстве, царю Петру было не по силам воевать с русами и он не мог помешать им пройти западным берегом Греческого моря до Боспора Фракийского. Имея другую цель и не желая распылять силы, Ингвар не намеревался вступать с болгарями в какие-либо отношения. Но судьба взяла его за ворот и окунула в лужу – и вот он в этих отношениях уже куда глубже, чем ему хотелось.

Схватиться с родным братом царя Петра! Ранить его и взять в плен! Теперь-то уж Петр не сможет остаться в стороне, даже если очень захочет.

Впервые со времен похода на уличей – и уж тем более впервые с тех пор как стал русским князем – Ингвар очутился лицом к лицу с представителем другого правящего рода. В этом его обошел даже шурин Асмунд, обедавший со Стефаном августом, из числа нынешних царьградских соправителей. Но василевса Асмунд видел в палате Мега Палатиона, пышно украшенной мрамором, мозаикой, резьбой и позолотой, одетого в золоченое платье и обутого в багряные башмаки, на троне во главе стола, уставленного золотой и серебряной посудой. Покойный Симеон путем многолетних войн добился того, что василевсы признали болгарских царей за равную, а нынешний царь, Петр, даже состоял с Романовым семейством в близком родстве через жену. Однако родной брат Петра сейчас лежал перед Ингваром на кошме, в черном шерстяном кафтане, накинутом на голые плечи, а под кафтаном виднелась широкая повязка на ребрах, отмеченная небольшим кровавым пятном. Колошка наскоро помог знатному пленнику смыть с лица сажу, хотя она, набившись во все складки и поры кожи, была еще видна. Из предложенного Боян принял только глиняную чашку с водой. Однако если бы здесь сейчас был Асмунд, то признал бы, что достоинством облика и самообладанием Боян превосходит своего свойственника из Мега Палатиона.

– Как ты здесь оказался? – спросил Ингвар, едва Колояр закончил перевязки. – Живешь поблизости?

– Не, я живу в Преславе Малом, – спокойно, будто они встретились самым мирным образом, ответил Боян.

У Ингвара невольно поджались уши – низкий голос Бояна проникал в душу слишком глубоко.

– Это где?

– Три дня пути отсюда вверх по реке. Ты что же – пришел завоевать Болгарское царство, но не выяснил, где его города и где живут владыки?

– На березовой постельке видал я ваше царство Болгарское! – с досадой буркнул Ингвар.

– Защо на бреза?

– Ну, на краде. У нас так говорят.

Два князя с недоумением посмотрели друг на друга – выговаривая славянские слова по-разному, обычно они тем не менее довольно легко понимали один другого, пусть иногда и приходилось переспрашивать.

– А! – сообразил Боян. – Это обычай огненного погребения. Наши деды отказались от этого, когда приняли Христову веру. Так ты хотел сказать, – он пристально взглянул на Ингвара и подался вперед, – что хочешь предать огню всю нашу землю?

– Нет, – быстро пояснил Мистина. – Против того. Князь Ингвар хотел сказать, что он не имел вовсе никакого дела до Болгарского царства и собирался просто пройти мимо.

– Просто миновать? – недоверчиво усмехнулся Боян. – Тогда почему вы стоите здесь всем войском и грабите селян?

– Кого мы грабим? – возмутился Ингвар. – Я ни одного человека не тронул!

– Селяне из Вихрцов принесли жалобу, что вы отняли у них краву.

– Что?

– Му-у! – будто играя с детьми, Боян приставил два пальца ко лбу со следами сажи.

Гриди округ невольно прыснули от смеха – так нелепо и все же забавно это выглядело.

– Корова! Тьфу! – Ингвар бросил недовольный взгляд на Мистину, словно говоря: «А я предупреждал, что нам это еще аукнется!»

– Это была ошибка, – усмехнулся Мистина. – Корова ходила без людей, и в темноте ее приняли за дикую турицу.

Рассказывать болгарину про поединок княжьего шурина с «морским змеем» было совершенно лишним. Эльгин братец, конечно, сглупил, но по молодости люди и не то еще творят. А Мистина в свои двадцать пять уже чувствовал себя достаточно старым и мудрым, чтобы снисходительно относиться к глупостям молодежи.

Если бы только не последствия...

– И из-за какой-то тощей коровы ты так обиделся, что с малой дружиной напал на целое войско? – хмыкнул Ингвар.

– Из-за тебя погиб наш почтенный родич, – сурово вставил Мистина. – Воевода Чернигость был свекром сестры нашей княгини. А теперь он мертв, и в нашем роду женщины оденутся в «печаль». Зачем ты набросился на старика?

– В Ликостому пришли вести, что некие разбойники-русы появились в этих краях и грабят жителей. Отнимают скот. Но люди видели всего одну дружину, в три-четыре десятка человек. Если бы я знал, что здесь целое войско с самим князем во главе, поверь, я бы лучше подготовился к встрече, – с досадой закончил Боян.

– Что такое Ликостома?

– Крепость в двух днях пути отсюда вверх по Дунаю. Там есть багаин с юнаками.

– А это кто?

– Вот это, – Боян показал сначала на самого Мистину, потом на его телохранителей вокруг. – Как вы это называете?

– По-русски – хёвдинг и хирдманы. По-славянски – воевода и отроки.

Боян кивнул: по-славянски оба понимали одинаково.

– И много у него людей? – спросил Ингвар.

Боян не ответил. Ингвар и Мистина мельком переглянулись: на ответ они особо и не рассчитывали.

А Боян со стыдом опустил голову: вспомнился Самодар и его предостережения. Бог наказал его за гордыню и заставил совершить удивительную глупость. Спустившись по северному горлу Дуная к побережью, близ моря Боян выслал троих отроков на разведку. И когда они обнаружили впереди на берегу именно то, что и ожидали – стан русов с пятью шатрами и четырьмя десятками людей, в основном уже спящих, – ему не пришло в голову, что это еще не все из тех, кто мог бы быть поблизости. Проплыви Васил с двумя товарищами по темной ночной реке чуть дальше и найди хотя бы следующий, основной черниговский стан, – Боян понял бы, что русов здесь слишком много. И уж точно не стал бы нападать на них, надеясь на численное превосходство, внезапность и ночное смятение.

И Бог наказал его – ранениями, пленом, гибелью дружины. Шестеро отроков попали в плен с ним заодно, сколько-то сумели уйти. Но человек пятнадцать были убиты. В том числе самые близкие и верные, те, что пытались вытащить его, раненого, и потому погибли, не сойдя с места. А он потерял людей, свободу... И дальнейшая судьба пленных пока была не ясна.

– А где сейчас твой брат Петр? – спросил Ингвар.

– Где ему полагается – в Великом Преславе.

– Мы пошлем ему весть о тебе. Теперь мне придется объявить Петру обо мне и моих намерениях.

– Сделай ты это сразу... – Боян бросил на него досадливый и гневный взгляд.

Ингвар промолчал. К болгарам он не отправлял посольств и не предупреждал их о походе, чтобы новость не дошла раньше времени до греков.

– Так вы, – Боян собрал в голове все услышанное и пристально взглянул на Ингвара, – если вы, как ты сказал, намерены миновать Болгарское царство... стало быть, вы... Идете войной на греков?

– Да.

– Можешь дать клятву?

– Зачем тебе моя клятва?

– Я должен знать, грозит ли твое войско моему народу. Вы уже приходили на наши земли, разоряли их и налагали дань. Ты и твой воевода отнял у царя земли уличей, разорили край тиверцев. Почему тебе теперь не желать продолжить это дело, занять наши земли до самого Дуная или дальше? Я не верю, что ты собираешься воевать с василевсами! – Боян с усилием сел, опираясь на руку со здорового бока, и вскинул голову. На груди его блеснул золотом крест на цепочке. – У русов уже лет тридцать мир с греками! В минувшее лето ваши послы ездили в Константинополь. Они хотели заключить новый договор, и у них при себе была твоя грамота! Так они говорили. Говорили даже, что среди них был твой родич!

– Да, – кивнул Ингвар. – Асмунд, брат моей жены.

– И теперь ты собираешься напасть на них?

Ингвар сердито выдохнул:

– Да! Именно так. Я собираюсь пройти мечом по землям греков, сжечь их города и села, взять добычу и полон! И навсегда отучить их лгать русам! Чтобы они запомнили: если русы предлагают дружбу, надо брать, пока дают!

– Хотя бы на следующие тридцать лет, – добавил Мистина.

– Из вашего договора ничего не вышло? – догадался Боян. – Они вам отказали?

– Они нарушили уговор! И теперь я заставлю их пожалеть об этом! А ты скажи своему брату, чтобы он не лез в это дело! – Ингвар сердито ткнул пальцем в сторону Бояна. – Иначе мне придется начать с вас!

* * *

Радуюсь, что хоть теперь поумнел, Мистина разослал во все стороны десятки – ждать возможного нападения на дальних подступах к стану – и приказал всему войску усилить постоянные дозоры в каждой дружине. Сегодня эти предосторожности стали еще более оправданны, чем были вчера. Если два-три дня назад русы могли надеяться, что скоро дождутся Хельги с его «хазарами» и уйдут вдоль побережья на юг, не сталкиваясь с дунайцами и их царем, то теперь столкновение стало неизбежным. Так думал Ингвар: сам-то он не смог бы спать спокойно, если бы какой-нибудь мимохожий морской конунг взял в плен Тородда или юного Хакона, его младших братьев.

С Хаконем, более честолюбивым и порывистым, это скорее могло случиться. Тородд же в свои двадцать лет был нетороплив и рассудителен. Год назад он женился на Бериславе, Эльгиной младшей сестре, и та с новорожденным ребенком осталась ждать его в Хольмгарде. Сам же он привел на помощь старшему брату триста с лишним человек, набранных в отцовских владениях.

– Видишь, не только у нас с тобой есть родич, кого хочется удавить! – тайком утешал Ингвара Мистина. – Представь, как Петр обрадуется на днях, когда узнает, где сейчас его младший брат.

– А может, ты и прав! – заметил Ингвар. – Может, он там сидит и надеется, что мы Бояна тут удавим.

Мистина ответил задумчиво-разочарованным взглядом:

– Они же христиане. Я о них лучше думал.

Ингвар только хмыкнул.

Шуточками побратимы утешались, но радоваться было нечему. Они слишком мало знали Чернигу, чтобы теперь томиться сердечной скорбью, но внезапная гибель старейшего из воевод и единственного, кто был в Олеговом походе на Царьград, всем показалась дурным предзнаменованием. В глубине души Мистина был уверен, что этой смертью боги наказали их за беспечность среди чужой земли – отвесили что-то вроде подзатыльника. Но в войске поползли слухи, что за удачу придется заплатить дорого. Боги-де намекают, что принесенных перед походом жертв оказалось недостаточно.

Наутро после нападения «бесов» все шестьдесят воевод сошлись в княжий стан. Еще один остался лежать в своем, укрытый с головой плащами, под пологом шатра.

Чтобы всем было видно князя, Ингвар сидел на борте лодьи. Мистина и Тородд – на песке у его ног. Позади него расстилось залитое солнцем море, а перед ними двумя рядами, будто за столами в гриднице, расселись бояре. Разные это были люди. Из славянских воевод каждый возглавлял дружину, собранную в том или ином племени или волости и избравшую его главой над собою. Каждый из воевод перед отъездом из Киева возложил руку на голову коня в жертву Перуну и поклялся на время похода повиноваться князю, как сын отцу, но над своими людьми был полным хозяином. Русы возглавляли дружины в основном наемные – не считая молодого Эймунда, приведшего плесковичей, и еще троих вроде него. Почти у каждого рядом на кошке лежал меч, у многих топоры, и перед каждым – золоченый воеводский шлем как знак власти в дружине. Правда, отделка из настоящего золота была только на шлемах Ингвара, Тородда и Мистины, а у остальных – из яркой меди и бронзы. Позади вождей устроились по двое-трое отроков и старших оружников, так что общее число собравшихся перевалило за полторы сотни.

Ближе всех к Ингвару сидел мрачный Буеслав: он так и не прилег до самого утра. Это был среднего роста, коренастый, круглоголовый мужчина чуть менее тридцати лет, со скуластым низколобым лицом, черноволосый, с черной короткой бородой. И так-то некрасивый, сейчас он имел откровенно угрюмый и насупленный вид. Ему предстояло заменить старика во главе черниговцев. Ингвар немного знал Буеслава еще с Грозничаровой свадьбы: тот приезжал в Киев по невесту в дружине жениха. Еще дома, на прощальном пиру, князь приказал каждому из воевод указать своего преемника на этот грустный случай, поэтому никаких заминок и тем более споров при переходе главенства не было.

Только князь и его приближенные точно знали, что произошло ночью, а остальные очень хотели знать. Слухи ходили самые разные: что выскочили бесы из Нави и что напал сам царь Петр.

Между Мистиной и Тороддом на кошке полулежал Боян. Его непривычный вид сразу привлек взгляды славян и русов, и пока Ингвар рассказывал о ночном происшествии, все полторы сотни слушателей почти не сводили глаз с «царя бесов», напряженно его разглядывая. Некоторые только сейчас с облегчением убедились, что «хвост», о котором все уже были наслышаны, означает прическу, а не растет, откуда обычно растут хвосты...

– И теперь у нас два дела, – завершил свою повесть Ингвар. – Как будем Чернигу к дедам провожать и что с царевым братом делать.

Он не хотел этого, но первое и второе слишком легко слились в мыслях слушавших.

– Пусть с Чернигой на тот свет идет, – тут же сказал Величко, единственный в войске древлянин. – Из-за него воевода погиб, собой и искупит.

– Заодно и боги порадуются – уж за такого рода человека нам удачу пошлют выше облака ходячего! – крикнул Добрин с Семь-реки.

– А то как-то невесело наш поход начинается! – бросил князь Зорян.

– Надо, надо богов подкормить!

– Чернига старый на сани сел ни за что, хоть жертвой хорошей надобно дух успокоить, а то всем беда будет!

– Богам отдать болгарина – тогда уж нам удачи будет полный короб!

– Для того нам боги его в руки послали!

По рядам пробежал невнятный гул: оживленный и одобрительный.

В лице Бояна не дрогнула ни одна жилка, хотя он, конечно, понял эти выкрики.

– Нет, – медленно и весомо ответил Ингвар, и Мистина тайком перевел дух.

На самом деле князь думал именно так, как люди сейчас говорили. Он тоже считал, что столь бесславное начало похода следует перед живыми, мертвыми и богами искупить пышным погребением с жертвами, чтобы переломить неудачу. А жертва княжьей крови навек прославит не только Чернигу, но и князя, и его войско, а походу принесет победу. Мистина половину ночи убеждал побратима не разбрасываться таким пленником. Может быть, царь Петр обожает брата и все за него отдаст, а может, так же тайком мечтает видеть его мертвым, как они – Хельги Красного. Но так или иначе, жизнь и смерть Бояна в руках русов, и пока они этим товаром не распорядились, Петру можно предложить любое из двух – именно то, что ему нужно. Выслушав, Мистину поддержали все четверо родичей: Тородд, Эймунд и Фасти с Сигватом – сыновья Ветурлиды, Ингварова дяди по отцу. Но Ингвар без смущения мог стоять один против всех, и до последнего мгновения Мистина не знал точно, что же князь решил.

– Черниговец был хорошего рода, но не такого, чтобы его в Навь провожал царский сын, – продолжил Ингвар. – Это будет неуважение к княжеской крови, и боги этого не одобряют. А к тому же болгарин мне живой пригодится. Сколько мы еще будем здесь ждать – пока неизвестно. И потом еще идти нам до Греческого царства вдоль Петровых земель. Хотите на каждой стоянке воевать? Этак до греков к зиме доберемся, не раньше. Не для того мы лодьи снаряжали. А плыть нам как раз Петру навстречу – он южнее живет, в Великом Преславе. Покажу ему

живого брата: он нам даст чистый путь, да и выкуп заплатит. Не покажу – и не один еще из воевод попусту голову сложит.

– А чего ждем – Красного вашего? – с осуждением крикнул Дивьян из Любеча. – Куда твой шурь запропал? Из-за него и засядем здесь до зимы!

Мистина поднял руку, показывая, что хочет говорить. Ингвар кивнул, и Мистина встал, чтобы его было лучше слышно. Бояре притихли.

– Что-то быстро иные разуверились в своих богах и удаче, – немного насмешливо начал он, уперев руки в бедра. – Все мы скорбим по воеводе Чернигостю, но кто сказал, что эта смерть для него – несчастье? Я не раз от него слышал, что он желает быстрой смерти в бою. Боги исполнили его желание: он умер быстро, легко, за веселой беседой, в кругу своей дружины, но от вражеской стрелы, и его посмертная участь будет хороша. Это ли не счастье? Не каждый ли достойный муж пожелает и себе такой же доли?

Мистина обвел глазами лица – молодые и постарше, задумчивые, удивленные таким оборотом дела, – и продолжал:

– Но боги сделали добро и нам. Взяв к себе Чернигу, они взамен принесли нам прямо в руки царя брата. Чернига скоро будет пировать у Перуна, а у нас есть заложник, что даст нам покой на всем пути до рубежей Болгарского царства. Боги добры к нам, бояре, а только глупец отталкивает дары судьбы, не в силах их распознать.

Он помолчал, будто давая желающим возможность возразить. Никто случаев не воспользовался, многие лица просветлели. Придя сюда с тяжелым сердцем, в предчувствии грядущих неудач, бояре вдруг увидели в случившемся одни только дары богов: и ушедшим, и оставшимся.

– К тому же расцвет Чернигиной славы был позади, а теперь у Буеслава есть случай показать себя, – закончил Мистина. – И я уверен – он рода не посрамит.

– А ты что скажешь, Буеславе? – окликнул киевлянин Дивосил Видиборович. – Твой был родич, твои люди и пленника взяли.

Ингвар бросил на него суровый взгляд: судьбу столь знатного пленника он намеревался решать сам, а Буеславу полагался лишь выкуп, если он будет заплачен.

– Ты, княже, может, и прав про болгарского князя, – начал тот, – тебе виднее, а мы клятву давали тебе служить, как отцу. Но кроме князя болгарского, у нас еще болгар шесть голов. Пусть они с Чернигой на тот свет идут. Иначе и ему, и роду, и земле нашей позор и поношение.

– Я дам выкуп за моих людей! – воскликнул Боян. – Прикажете послать в Ликостому: багаин пришлет животных, и вы заколете их, если таков ваш обычай.

– Послушайте меня еще! – Мистина снова вскинул руку и возвысил голос, перекрывая поднявшийся гул. – Я знаю, как нам Чернигу почтить напоследок.

Все стихли и в ожидании уставились на него: бояре – с любопытством, а Боян – с надеждой.

– Спаси моих людей, заклинаю! – вполголоса произнес он, так, чтобы слышали только князь и сидевшие возле него. – У тебя тоже есть ближняя дружина, сохрани моих братьев, я дам хороший выкуп за каждого!

Ингвар глянул на Мистину. Это они понимали: на месте Бояна каждый за своих оружников снял бы торсхаммер с шеи.

– От моего отца слышал я одну повесть старинную, – начал Мистина среди тишины, нарушаемой свистом ветра и криками чаек. Все знали, как красиво Свенельдов сын умеет говорить, и ожидали чего-то особенного. – Давным-давно славны были в Северных Странах двое братьев, морских конунгов: Хаки и Хагбард. Хаки отправился в Свеаланд, у него было большое войско и в нем двенадцать славных витязей. На Полях Фюри Хаки дал бой войску Хуглейка, тамошнего конунга, сразил его самого и двоих его сыновей. Свечи обратились в бегство, а Хаки стал конунгом в Свеаланде. А потом пришли в Свеаланд братья Эйрик и Ёрунд, сыно-

вья Ингви, знаменитые воины. Когда свеи узнали, что пришли Инглинги, то охотно собрались под их стяг...

Бояре напряженно вслушивались в незнакомые имена, стараясь не упустить нить повествования. Ингвар косился на побратима с пониманием: уже догадался, к чему тот клонит, и недоверчиво кривил рот.

– И вот сошлись братья Инглинги и Хаки на Полях Фюри. У Хаки было меньше войска. Бились они жестоко, и Хаки наступал так неудержимо, что сражал всех, кто перед ним оказывался. Он убил Эйрика и срубил их стяг, а Ёрунду пришлось бежать. Но сам Хаки был очень тяжело ранен. Он понимал, что жить ему недолго. Тогда приказал он нагрузить лодью мертвыми его воинами с их оружием и пустить ее в море. Кормило закрепили, а рядом с ним лежал сам Хаки в лучшей его одежде и под стягом. Он велел развести на корабле костер из смолистых дров. Ветер дул с берега, и Хаки был при смерти или уже мертв, когда лодья отплыла. Пылая, уходила она в море. И долго живет слава о смерти Хаки!

Мистина помолчал, давая всем время хорошенько нарисовать себе это зрелище.

– И почему бы нам не сделать того же для воеводы Чернигостя? Такое погребение прославит его и наше войско, а заодно не позволит болгарам надругаться над его могилой, когда мы уйдем. С ним погибли шестнадцать его людей, и всем им найдется место на лодье: все равно теперь некому ее вести. Чернига прибудет к дедам со своей дружиной и в великой славе, и дух его не станет держать на нас обиды.

Бояре загудели: «варяжская придумка» казалась чудной, но очень соблазнительной. Каждый по себе судил, как впечатлил даже рассказ о ней, а что скажут о них, если они это сделают!

– Да мы с тобой такого даже не видели никогда! – на северном языке прошептал Ингвар.

– Ну и что? Чего мудреного? Я все устрою!

– Хочешь быть, как в саге?

– А ты разве нет?

Ингвар видел: побратима снедает возбуждение, замешанное на любопытстве и честолюбии. Боян, не понимая северного языка, в тревоге переводил взгляд с одного на другого.

– Да разреши ему! – добродушно попросил Тородд – очень похожий на Ингвара, невысокий, с рыжеватой молодой бородкой, только покруглее лицом. – Чтобы саги жили, иногда кто-то должен повторять эти деяния. А то верить перестанут, и старая слава превратится в пустую болтовню.

– Ну, как хочешь, – с сомнением отозвался Ингвар. – Что скажете, бояре? – громко и по-славянски обратился он к собранию.

– Мы о таком раньше не слыхали, – начал Острогляд, – однако коли Свенельдич говорит, что в былые времена то за честь почитали... Чернига наш высшей чести достоин.

– И в море на могилу не нагадят! – подхватил Вышегор с Рупины.

– Дарите жизнь князю Бояну и отрокам его?

– Я прошу за него! – добавил Мистина, и Боян бросил на него благодарный взгляд.

– Нехорошо такого человека без жертвы провожать, – заметил Родослав.

– Мой родич без погребальной жертвы не останется, – ответил Буеслав. – А где ее взять – моя забота.

– Вот это хорошо сказано! – одобрительно воскликнул Мистина. – Тебе ведь у родича шлем золотой получать – надо что-то взамен дать.

Буеслав единственный пока сидел без золотого шлема перед собой – он еще не вступил в должность.

– Но это уже не так легко сойдет, – предостерег Тородд. – Теперь-то дунайцы о нас знают.

* * *

Но знали не все. Почти сразу после княжьего совета Буеслав с десятком отроков куда-то исчез, а на завтра вернулся и привез двух баранов, несколько кур, петуха... И смуглую, тощую, большеглазую девушку лет пятнадцати. Еще были два подростка на год-другой моложе. Все трое были босы, одеты в простые полотняные сорочки, девушка – в плахту дунайского образца, из двух кусков плотной красно-черной шерсти, из коих один прикреплялся к поясу сзади, а другой, узкий, навроде передника – спереди.

Увидев добычу, русы оживленно закивали, иные одобрительно похлопали Буеслава по плечу. К этому времени уже одну из черниговских лодий вынесли на песок и стали снаряжать в последний путь. В войске было достаточно людей, чтобы даже за несколько дней насыпать высокую могилу над остатками крады, переноса землю на щитах вместо носилок. Но потом ведь русы уйдут и оставят свежее погребение на поругание дунайцам, уже имеющим причины не любить чужаков. Так пусть уж лучше старик отправляется к богам древней морской дорогой. У славян не было обычая погребения в море, но и они знали, что море – тоже путь на тот свет.

– Должен сказать, это верное решение, – заметил Боян после совета. – Ведь покойный был идолопоклонником? Не крещеным?

– Не крещеным, – подтвердил Мистина.

– Здесь в море совсем рядом то место, что во времена идолов служило для душ воротами в мир мертвых.

– Да ну что ты?

– И где это?

– В одном дне пути от устья Дуная на восток лежит Белый остров, – Боян кивнул в сторону открытого моря. – Это старинное священное место. Оно почиталось задолго до того, как сюда пришел хан Аспарух, но даже не столько дунайцами, сколько греками.

– А ты говоришь, идолопоклонниками!

– Так и есть. Были времена, когда и греки не ведали Благой Вести о Спасителе. И тогда они почитали Морского Царя. Он был очень могуч: вызывал и успокаивал бури, указывал путь мореходам, мог как наслать, так и излечить болезни. На Белом острове было его святилище, а в нем – вход в царство мертвых.

– Что значит – вход? – Мистина пристально взглянул на него. – Для волхвов или просто... Чтобы любой мог ногами зайти?

– Просто зайти ногами, – улыбнулся Боян. – Но кто же захочет это сделать добровольно – ведь выйти назад будет нельзя.

Приглядевшись за пару дней к Бояну при дневном свете, русы поняли, что тот несколько моложе, чем казалось поначалу. Отмытый от сажи, тот стал выглядеть на два-три года старше Мистины. Но даже в простой сорочке, взятой у кого-то из отроков (своя сильно испачкалась в крови и порвалась), в кафтане черновато-бурой шерсти, Боян всем обликом источал уверенное, внушительное достоинство. Тайком переводя взгляд между ним и Ингваром, Мистина отмечал про себя: а что, если греческое звание кейсара-василевса, за которое Боянов отец, Симеон, всю жизнь отчаянно дрался, и впрямь что-то дает? Ведь происхождением Ингвар, потомок Одина, ничем не уступает наследнику Аспаруха. Однако он лишь учится держать себя как истинный повелитель, подавляя в себе привычки хирдмана, а у Бояна все выходит само собой, естественно, как дыхание.

– Не свистишь? – уточнил Ингвар.

На этот раз Боян уже понял – за минувшие дни он не раз слышал это слово и догадался о значении.

– Сказать по чести, я не видел этого своими глазами, – признался он. – Святилище давно разрушено, да и сам остров, расколотый, погрузился на дно морское, от него остался жалкий обломок. Его разбил своим посохом и силой молитвы Христовой апостол Андрей, но он жил почти тысячу лет назад, а на острове я не раз находил солиды и милиарисии василевсов, которые жили на три-четыре века позже. Думаю, идолопоклонники приезжали туда уже после гибели святилища, как я, чтобы все же принести дань Морскому Царю, и надеялись на помощь.

– Как ты? – чутко откликнулся Эймунд.

Младший брат княгини околачивался рядом с Бояном почти все время, на какое мог оставить без присмотра своих людей. Он был очарован этим рослым, некрасивым, смуглолицым человеком, чей низкий голос звучал так сладко, что каждый звук его падал на сердце каплей блаженства. И пуще всего Эймунд боялся, как бы кто не поведал Бояну о его сражении с «морским змеем».

– Не, я не сказал, что почитаю идолов, – поправился Боян. – Каждую весну я с моей дружиной езжу на Белый остров поклониться Андрееву кресту. Потому я оказался в этих краях и услышал о вас...

Ингвар и его родичи слушали с изумлением. Русские купцы и воины уже лет сто чуть не каждый год ездили в греки мимо Болгарского царства, но о Белом острове и входе в Навь Ингвар слышал впервые.

– Это нужно, чтобы Морс... Чтобы святой апостол Андрей был благосклонен к мореходам и рыбакам, чтобы бури не губили корабли, чтобы... чтобы Бог не посылал повальных болезней народу... И ты, – Боян глянул на Ингвара, – хорошо сделал бы, если бы отправился туда и принес жертвы. Тебе нужна благосклонность... Тех, кто правит морем, если уж ты намерен идти в поход по воде.

– Кому это мы должны принести жертвы? – небрежно и в то же время осторожно осведомился Мистина, будто намеревался проскользнуть мимо змеи, делая вид, что не замечает ее в траве.

Боян глянул на него:

– Белому острову.

Дымчато-серые, как сумерки купальской ночи, глаза болгарина встретились с блестящими, как клинок, глазами руса. Мистина мог бы поклясться, что они поняли друг друга. Почему-то вспомнился костяной ящер, отданный на хранение... Эльга... Ее глаза, как два смарагдовых светила... И он опустил веки, уверенный, что Боян сумеет разглядеть ее образ в его памяти.

– Может быть, он дело говорит... – Мистина повернулся к Ингвару.

– Нет! – отрезал тот.

Мистина хорошо знал этот тон побратима: Ингвар извлек из ножен свое упрямство, и это «нет» означает «даже не думай».

– Хви? – на северном языке вполголоса спросил он. – Почему?

– Он нам путь в Хель укажет! – на том же языке язвительно ответил Ингвар. – И еще подтолкнет, и дверь за нами затворит. Не видишь – он же колдун!

– Вижу, – тихо ответил Мистина, с удивлением чувствуя, что сам слегка очарован осознанием этого.

Никогда в жизни он не переживал преклонения отрока перед зрелым мужчиной, так похожим даже на влюбленность – ему хватало отца, а перед Свенельдом все прочие казались рохлями. Но не удивлялся тому, что Эймунд Морской Змей смотрит на болгарина, как девушка на жениха.

Ему и самому приходилось сосредоточиться, чтобы увидеть Бояновы черты лица. Иначе, глядя на царева брата, он видел нечто сияющее, будто живое солнце; черты человеческой внеш-

ности казались не более значимыми, чем мелкая рябь на поверхности глубокого, красивого озера.

Глядя на Бояна, Мистина вдруг осознал, что уже несколько лет именно так видит Эльгу. Она хороша собой, но не черты лица в ней влекут и восхищают, а солнечный свет, идущий изнутри. И свет этот почти заслоняет черты, делает их неважными. Они могли бы быть иными – но она осталась бы столь же прекрасна. Само ее присутствие бодрит и улаживает, и даже гриди не могут удержаться, чтобы не повернуть головы ей вслед, когда она проходит через двор, улыбаясь, будто рада каждому. От этой улыбки любому мнится, что молодая княгиня острым взором видит ту самую глубоко запрятанную частичку его души, которой он лучше всех прочих. И улыбается именно поэтому.

Мысли побежали назад – туда, где Эльга. Без нее в жизни Мистины не хватало чего-то важного: ее взгляд согревал и воодушевлял, хотелось не просто показаться лучше в ее глазах, но и стать лучше всех на свете... На сердце потеплело: эти смарагдовые светила за пару последних лет расплавили в железном сердце Мистины мягкое местечко. Впервые он ощутил это пару лет назад и поначалу сам над собой смеялся, удивлялся, как душевному недомоганию. А потом начал его беречь как нечто дорогое: это чувство придавало жизни сладость, какую не могли дать никакие иные приобретения. От одного сознания, что нынче он опять пойдет на княжий двор и непременно увидит ее, всякий день казался душистым и солнечным, даже если снаружи поливал холодный осенний дождь.

Но очень быстро Мистина опомнился. Поход едва начался, об оставшемся позади думать так же бессмысленно, как о спине луны, которой она никогда не поворачивается к смертным внизу. И прохладная бодрость духа здесь куда полезнее, чем любовная размягченность.

К возвращению Буеслава все для погребения уже было готово. Тело Черниги и других погибших уже обмыли, одели в лучшее платье из того, что у них было с собой, вместе с оружием положили в лодью на песке у полосы прибоа. На берегу разожгли костры, с утра повесили обжаривать туши привезенных Буеславом баранов, двух оленей, застреленных в лесу. Варили кашу и похлебки из морской рыбы. Оберегая припас, каши сделали немного, по ложке для каждого. Без каши поминальная трава не творится.

Собрались, когда начало темнеть. В сумерках ярко горели костры, морской ветер трепал языки пламени, будто хотел оборвать лепестки с огненного цветка и унести в небеса. Один костер, самый большой, посреди песчаной площадки освещал борт лодьи и головы мертвых гребцов, сидящих на скамьях возле весел. При каждом были его пожитки, оружие. Тело Черниги, как подобает вождю, лежало на возвышении у кормы, под его стягом. Малая дружина приготовилась к походу.

Не каждый мужчина и даже не каждый знатный человек отправляется на тот свет на корабле. А только тот, кто при жизни носил золоченый шлем и имел свой стяг, выводил дружину на поле боя и указывал ей путь к победе или смерти. Чернига в жизни мало ходил по морям – сын бывшего викинга и славянки, он сам по рождению уже принадлежал к оседлой руси, пустившей корни в землю славян. Но он умер в походе, и могилы на суше у него не будет. А там, куда его привезет этот корабль, его встретят все разделившие этот путь, где бы ни нашли они свою дверь из земного мира в небесный.

Народ уже собрался. Все войско не могло здесь поместиться, и каждый вождь пришел с малой дружиной – родичами и старшими оружниками, чтобы потом рассказали остальным, как все прошло. Только черниговцев было больше половины – явились все, кто знал воеводу при жизни. Младшие отроки присматривали за котлами, остальные уже расселись на земле, на кошмах и просто на песке. На выложенных длинным рядом щитах расставили миски и разложили ложки.

– Эх, выпить нечего! – вздохнул Дивьян, подходя к князю. – Уж воевода наш по этому делу был умелец! И медов стоялых у него всегда запас был, и на ягодах, и на травах! А тут...

– Травы есть, да меда нет, – подхватил Краснобай, родич радимичского князя Огневита. Как ни ломали головы лучшие умы дружины, способа раздобыть хоть сколько-то хмельного не нашли. Ни молока, ни меда, из чего можно сделать скороспелую брагу для проводов, раздобыть на этом пустынном берегу было никак невозможно.

– В греки попадем, вина возьмем – тогда выпьем на старика, – утешил Ингвар.

– Кабы не родич ваш, уже бы там были, – буркнул Дивьян.

Вместе с Ингваром и его приближенными пришел Боян. Внутри стана он пользовался почти полной свободой, но передвигался мало – хромал из-за раны в бедре и опирался на посох из свежавырубленной жерди.

– Добри Небеса, что это? – охнул он, едва увидев лодью.

Мистина в удивлении повернулся к нему, не понимая, чего в этом такого особенного.

Боян показывал на троих дунайских пленников: девушку и отроков. Этим нарядить было не во что, они оставались в своих бедных одеждах, только у девушки на голове появился цветочный венок, старательно сплетенный руками зелейника Колояра. Ее длинные черные волосы были распущены и тщательно расчесаны, а на бледном лице застыло отрешенное выражение, будто душа ее где-то не здесь. Лишь глаза странно блестели.

Мистина кивком подозвал Колояра:

– Ну как?

– Готово! – Держанович кивнул на пленников, явно гордясь своим умением. – Годится здешняя сон-трава. Уже в очи Маренины смотрят все трое.

– Кто сии люди? – встревоженно воскликнул Боян и даже подошел ближе, хотя передвигаться ему было нелегко. – Где вы их взяли? Что вы с ними хотите сделать? Добри Небеса!

– Где взял Буюслав – мы не спрашивали, а пойдут они с дедом в Навь, – пояснил Мистина. И добавил:

– Вместо тебя и твоих парней. Понимаешь?

– Господи Иисусе! – Боян побледнел. – Я же говорил вам! Мы, болгары, – христиане! Боги Нави не получают наших душ, даже если вы убьете нас во имя их! Вы погубите их напрасно!

– Мы наш долг ему отдадим, а там, за крадой, пусть он сам за своим добром следит, – усмехнулся Мистина. – Чернига наш был хваткий – своего не упустит. И если еще какой бог придет за их душами, я бы поставил на старика!

– Молю тебя, позови ко мне князя. Мне нужно сказать ему... Очень нужно.

Мистина вопросительно посмотрел на него.

– Господом Христом... Владыкой Нави молю тебя!

И снова между ними проскочила искра понимания, что касалась глубинной сущности их душ и не выражалась в словах. Мистине вновь вспомнилась Эльга, и в этой сгустившейся тьме, полной мрачных отблесков погребального огня, мысль о ней была как серебряная луна среди черного неба.

Он отошел, вскоре вернулся с Ингваром.

– Чего вы? – Князь был полон тревожного оживления. – Начинать пора.

– Прошу тебя! – обратился к нему Боян. – Отпусти этих троих бедняков. Не губи их жизнь и не бери на себя лишний грех.

– Мы отдаем их деду в спутники, – жестко ответил Ингвар. – Не такой он был человек, чтобы в одиночку уходить.

– Я дам вам другую жертву.

– Ты же не себя?... – заикнулся Эймунд.

– Послушай! – опираясь на костыль, Боян шагнул к Ингвару. – Помнишь, я рассказывал о святилище на Белом острове...

– Ну?

– Святилище разрушено... Но это не важно. Отпусти этих троих... Не убивай их... Я спою песнь, она откроет врата Нави и усладит слух ее владыки, за что он даст вашим мертвым самое лучшее место в своих палатах.

– Споешь? – Ингвар удивленно глянул на него.

– Да, – сокрушенно вздохнул Боян. – Это грех, но меньший, чем если я дам умереть этим людям ради жертвы дьяволу. Это мне простится.

– И ты считаешь, это будет равнозначный дар? – недоверчиво спросил Мистина.

– Убедитесь сами. Прикажи принести мои гусли. Вы же нашли их?

После ночной схватки часть Бояновой дружины бежала на своих лодках, но часть их осталась – те, для каких не хватило гребцов. Среди них оказалась и лодья с пожитками Бояна, в том числе заботливо укрытыми в провощенную кожу гуслиями.

Ингвар вопросительно глянул на побратима. Его томило любопытство, но и опасение. Что Боян – гуслиар и певец не чета дружинным горлопанам с их любимым «Мы ловили медведя», было ясно и так. Но в устах умелого кощунника обрядовая песнь – оружие. Немало есть сказаний о силе, что она несет. Такой певец может заставить сотню гостей на пиру плясать до изнеможения, до смерти – а может сразу погрузить в вечный сон. Или лишить силы целое войско, сделать бойцов беспомощными, как младенцы.

И если есть на свете человек, способный на такое, то Ингвар не удивился бы, убедившись, что тот стоит перед ним.

– Поклянись твоим богом, что не причинишь вреда мне и моим людям.

Боян вынул из-под кафтана золотой эмалевый крест на цепочке и поцеловал его:

– Я не хочу причинять вреда тебе и твоим людям. Лишь хочу спасти этих несчастных от бессмысленной гибели во славу сатаны.

– Колошка, знаешь, где его поклажа? – Ингвар глянул на отрока.

– Гусли принести? – понятиливо кивнул тот и по знаку князя вдвоем с Соломкой пустился бегом по песку вдоль шатров.

– Чего не начинаем-то? – К ним подошел Негода, заложив руки за пояс и выпятив брюхо. – А то девка остынет, а мясо пережарится!

Вокруг захохотали, но Ингвар качнул головой:

– Обождите. Князь Боян нам сейчас петь будет. То есть Черниге и...

– И Кощею с Мареной, – подхватил Мистина.

Отроки уже разнесли котлы с похлебкой, начали разливать отвар и раскладывать по мискам вареную рыбу, но никто еще не ел. Видя какую-то заминку, народ подтянулся к костру, где стоял князь с приближенными. Слышался гул, расспросы под треск огня. Было уже ясно, что погребальный пир пойдет как-то иначе; разнесся слух, что князь передумал и все же решил принести в жертву болгарского князя. Не зря же Ингваровы братья столпились возле него и оживленно толкуют о чем-то!

Но вот Колояр и Соломка принесли гусли. Боян проковылял к лодье покойного и уселся на кошму под самым бортом, там, где Черниге было бы лучше всего его слышно, если бы звуки этого мира еще до него доносились. И сама душа воеводы, наверное, невидимую птицей сидела сейчас на высоком штевне и прислушивалась. Клубы дыма, уносимые ветром от берега в море, вихрились над носом лодьи с резной головой сокола, и Мистине вдруг померещилось, будто он и правда видит там белую птицу с человеческим лицом...

По знаку Ингвара гриди уняли шум. Боян провел пальцами по струнам, и у каждого возникло удивительное чувство – будто тьму прорезали солнечные лучи, невидимые очам, но ощутимые сердцем.

– Я принесу в жертву мертвому и его новым владыкам другую деву, куда лучше этой, – сказал Боян, и все стоявшие вокруг сомкнули ряды теснее, чтобы как можно больше людей

могли его расслышать. – Да усладится слух твой, Царь Морской, песней во славу твою, сложенной дедами нашими!

Была у матери дочка,
Гостилюба, кровинка родная.
Мать ее в зыбке качала,
Качала и песни пела.
Росла она, возрастала,
Вошла в девичий возраст.
Могла хозяйничать в доме,
А мать ее не пускала,
Ни по воду, ни к скотине.
Девушки мать хвалилась
У моря пред рыбаками,
Что растит красоту-девицу
Ясного солнца пригожей,
Вдвое месяца краше...

Удивительно, как нежно звучал низкий голос Бояна, рисуя красоту девы. И настоящее чудо творил он с каждым слушающим. Стоя на песке перед лодьей у моря, каждый ощущал себя где-то в другом месте – светлом, теплом, чистом, как цветущий луг ранним летним утром. Никто уже не видел той тощей девчонки в черно-красной плахте, что сидела у ног покойного в лодье – перед каждым сияла иная дева, прекрасная, как солнце, в лучах золотых прядей, с глазами небесной синевы...

Шли рыбаки по морю,
Громко певали песни
Про красоту-девицу,
Что вдвое месяца краше,
Яснее светлого солнца.

Услышал рыбацкие песни
Могучий Морской Владыка.
Услышал и стал печален,
Нахмурил чело свое грозно.
Вскипели тут пенные волны
От гнева Морского Владыки.
Три дня бушевало море,
Гнало высокие волны,
Губило лодьи морские,
Билось о белые скалы.

Собрались мудрые старцы,
Держали совет и сказали:
Гневен Морской Владыка,
Желает и требует жертву.
Положено Князю Морскому

Раз в девять лет – по деве.

Голос певца изменился: в нем зазвучали грозные завывания бури, низкий шум валов, дробящихся о скалы, крики чаек, треск ломаемых весел. Каждый нахмурился, затаил дыхание, видя бурлящее море перед собою. И пробирало холодом от ожидания: вот-вот морской владыка явит себя взорам и назовет причину своего гнева...

Мать как-то пошла за водою,
Оставив одну Гостилюбу.
Вышла девица из дома,
Села у синего моря,
Звонкую песню запела.
Вскипело синее море,
Погнало высокие волны,
Ударило в белые скалы.
Глядит пред собой Гостилюба
И видит великое чудо:
Стоит перед нею владыка
Златые кудри по пояс,
В руках золотые стрелы
И лук с золотой тетивой.
Слова говорит ей такие:
Душа моя, красная дева,
Давно я тебя поджидаю.
Положена дань мне от веку,
Раз в девять лет – по деве.

Славен я всякою силой:
Когда заиграю на гуслях,
Пляшут волны морские,
А вихри им подпевают.
Златые мечу я стрелы
Быстрее буйного ветра,
В кого попадут мои стрелы,
Тот занеможет немедля.
Есть у меня источник,
Девы его охраняют,
Кто выпьет воды волшебной –
Тот будет здоров и молод.
Любимцев своих награждаю
Великим я жалую даром:
Кто мил мне, умрет в расцвете,
Без дряхлости в тяжких недугах.
По глади синего моря
Я мчусь на конях проворных,
Как ветер несутся кони
По морю, ровно по суше.
Живу я в богатом чертоге,

В глубинах синего моря,
Бесчисленны в нем палаты,
Красного золота утварь,
Белого серебра двери,
Скатного жемчуга окна.
Три сотни белых баранов,
Три сотни черных овечек
На стол подается в палатах,
Где гости мои пируют.
Всем изобилен чертог мой,
А только в нем нет хозяйки.
Тебя я избрал, Гостилюба,
Княгиней морских чертогов,
Будешь ты жить со мной
В глубинах синего моря.

Трудно было дышать, грудь сжимало от смеси восторга и ужаса: в глаза каждому смотрели золотые очи морского владыки. Сквозь легкие колебания прозрачных волн было видно, как тянутся вдаль золоченные палаты, сияют жемчужные окна, искрится самоцветами посуда на столах. Это потрясало – и в то же время казалось пугающе знакомо. Как будто в младенчестве каждый видел эти палаты, эти столы с пирующими гостями и самого хозяина, но был унесен оттуда так давно, что все забыл... А теперь вспомнил и вновь узрел потерянную родину.

Вскрикнула громко дева
И быстро бежать пустилась.
Едва она оглянулась,
Как видит великое диво:
Исчез златокудрый владыка,
И змей перед нею двуглавый,
Одет золотой чешуею,
Венцы на главах сверкают.
Змеяка за девой мчится,
Златые свивает кольца.
Бежала дева близ моря,
До белой скалы высокой,
Настиг ее здесь змеяка
И рухнул с ней в синие волны.
И стала жить Гостилюба
В глубинах синего моря,
В богатом чертоге царском
Женою Морского Владыки.
Поют дунайские девы
Славу красе Гостилюбы,
Отроки славят владыку,
А кто услышал – пусть помнит.

Многие из слушателей невольно обхватывали себя за плечи, борясь с зябкой дрожью – кольца золотого змея, холод морских глубин каждый ощущал собственной кожей. Другие не смели шевельнуться и даже глубоко вздохнуть. У них на глазах вновь творится мир – сверша-

лось одно из тех событий, что случились давно и случаются снова, ничуть не меняясь, каждый раз, как найдется среди смертных способный отворить эту дверь. И пока эти события происходят и обновляются, мироздание будет стоять.

Певец умолк, но вызванный им мир не ушел. Сквозь черные морские волны сияли золотые палаты с жемчужными окнами, стройный кудрявый молодец обращался в двуглавого змея и снова в молодца... Образы висели над берегом, над песком, над бортом лоды, с языками пламени улетали в звездное небо. Но голова кружилась, утрачивалось понимание, где верх, а где низ, море и небо сливались воедино, обхватывали и поглощали...

Никто не знал, сколько прошло времени. Пламя костра немного опало – никто не подкидывал дров, – однако колесо ночи почти не сдвинулось с места.

– Разрушено святилище, говоришь? – первым подал голос Ингвар.

Он говорил тихо, но его слышали почти все.

– Эта песнь известна подунавским поселянам, – Боян бережно переложил гусли с колен на кошму. – В прежние времена, пока здесь справляли все обряды почитания идолов... старых богов, каждые девять лет с Белой скалы на острове сбрасывали деву в жертву Морскому Царю. Теперь дев уже не бросают, но песню еще поют, потому что...

– Жертва должна быть принесена, – кивнул Ингвар.

– Ты принимаешь? – Боян требовательно взглянул на него с кошмы.

Ингвар бросил взгляд на Мистину.

– Не мы, – ответил тот. – Но владыка Нави жертву получил. Потому что ты... – он пристально и задумчиво взглянул на Бояна, – и впрямь умеешь открывать ворота в Навь...

– Под такую песню и вода ключевая за мед стоялый пойдет, – усмехнулся Тородд. – Ну что, брате, начнем?

За свои гусли взялся Добылют – после Бояна немного пристыженный, зная, что с болгаринам ему не тягаться. Однако Боян не знал славлений Олегу Вещему, и под них бояре и отроки разделили с покойным последнюю страву. Мало кто жалел, что запивать поминальную кашу пришлось водой – отзвуки песни бродили в крови, воздымая душу над телом, будто самый крепкий хмель. С высоты своего сидения покойный воевода смотрел полузакрытыми глазами, как бьются в его честь отроки и мужи.

Но вот поединки завершились. Пришла пора отплывать. Мертвых гребцов спустили со скамей на днище лоды, их места заняли полуодетые живые – отобранные Мистиной из числа собственных отроков, в ком он был уверен. Десятки рук толкнули лодью в море. Мистина стоял возле кормила – голый, с распущенными волосами и с факелом в руке сам похожий скорее на морского беса, чем на человека и тем более воеводу старинного рода. Но бывают случаи, когда наиболее почитаемый среди людей должен суметь сделать наиболее широкий шаг от них прочь. И Мистина умел это лучше Ингвара и лучше кого-либо во всем войске.

– Видишь! – кричал Мистина сквозь шум ветра. – Он услышал!

Ветер с берега усилился. На корабле мертвых подняли парус, и он тронулся в открытое море, уносимый ветром и течением Дуная. Над бортом мерцали в ночи факелы.

– Давай быстрее! – орал с берега Ингвар, сомневаясь, что на таком расстоянии Мистина его услышит сквозь ветер. – Не то и вас заберет! Не тяни!

Не в силах оторвать глаз от лоды и рослой фигуры побратима, он невольно шел следом, будто провожал на тот свет кого-то более ему дорогого, чем даже воевода Чернигошь. Остановился, когда волны начали заливать его до пояса. Но и тогда остался на месте, вглядываясь в темноту и стиснув в кулаке серебряную плетеную цепь с молоточком Тора – Мистина отдал ему, прежде чем подняться на лодью.

Скутар с мертвецами отошел уже на перестрел и уносился все дальше от берега. Его будто тянули те кони, что мчат по волнам Морского Царя – так быстро, что их копыта не успевают

погружаться в воду. В той стороне, невидимый даже днем, лежал Белый остров, а под ним – заваленный обломками вход в Навь.

Мистина огляделся: пожалуй, было пора. Лодья неслась в море, и костры на берегу уже казались маленькими. Навалилась жуть – как огромна черная бездна моря и как далек уже берег!

– Давай, все за борт! – крикнул Мистина.

Двенадцать оружников попрыгали с лодьи в воду. Он остался один среди мертвецов, с пылающим факелом в руке. Лодья, с закрепленным рулем, никем не управляемая, скакала на волнах, будто дикий жеребец. Придерживаясь за снасти, переступая через конечности и пожитки мертвецов, Мистина прошел по лодье и поджег приготовленные кучи хвороста и высушенной травы. Развевались распущенные волосы, его качало и ударило о борт, иной раз пламя факела бросало ему в лицо и на руки, но ветер мигом остужал горячую кожу. Пробирала дрожь, но не зябкая или боязливая, а чем-то схожая с приливом любовной страсти – чувство соития жизни и смерти. В какой-то мере Мистина, последний живой провожатый мертвых, сам был ключом от иного мира.

Он отчетливо сознавал, что находится в самом сердце губительной стихии – среди ночного моря, на корабле мертвых, плывущем прямо в Навь, – и видел впереди широко растворенные ворота. По привычке схватился за грудь – где с двенадцати лет носил костяного ящера, оберег от своего покровителя и собственный ключ в Нижний мир. Но там было пусто, и Мистина вспомнил Эльгу. Его жизнь осталась в ее руках. А он был один среди мира смерти, но вместо страха ощущал невиданный подъем и восторг. И вздрогнул, пронизанный жаром, – будто это она сейчас ждала его где-то рядом, чуть впереди, в нетерпении протянув обнаженные белые руки. Вспомнился вечер прощания – когда она приняла хотя бы часть его страсти, потому что и в ней это влечение одолевало разум. Ожила в крови эта горячая жажда – взять ее всю и отдать ей себя всего...

Это был опасный знак. Хозяйка Нави взглянула на него издалека и выслала навстречу образ, наиболее для него манящий. Но Мистина понимал это: он обладал способностью различать Явь и Навь даже тогда, когда видел обе одновременно. Это умение – свойство истинного волхва, которое он знал за собой, но никому в этом не признавался. Ибо к двенадцати годам отчетливо понимал, чего хочет от жизни. Уж точно не в Перыни вокруг жертвенника подметать.

Позади него уже в двух местах пылали кучи хвороста, пламя на смолистых дровах плясало под ветром и разгоралось все сильнее. Ворота Нави надвигались. Уже заняли полнеба. Корабль несло прямо туда.

На миг мелькнула мысль – остаться. Плечь с кораблем дальше. Мистина уже видел, как его вносит в исполинские черные ворота высотой до самых туч, а за ними...

Что?

Он будет знать! Первым... Если не из живых, то из тех, о ком слышал, при жизни войдет в ворота Нави...

«Но кто же захочет это сделать добровольно – ведь выйти назад будет нельзя...» – напомнил низкий мужской голос, каким, верно, двуглавый змей разговаривал с девой.

«Ты не можешь! – зазвенел в голове девичий смех. – Твоя жизнь не при тебе!»

«Ты оставил ее дома!» – подхватил женский голос, и в нем слышался мягкий материнский упрек.

«Ну ты и растяпа! – хрипло буркнула старуха. – Убирайся вон!»

Мистина засмеялся, обдаваемый волнами жара, швырнул факел на корму и прыгнул в воду.

От холода перехватило дыхание; он вынырнул и быстро поплыл, стараясь согреться.

За спиной его пылал над волнами корабль мертвецов.

Внизу под хлябями сияли чертоги морского царя, и с их жемчужными оконцами перемигивались звезды в вышине.

Далеко впереди, за полем черноты, мерцали слабые огни на берегу.

Вскоре холод воды перестал ощущаться. Ровно дыша, уверенно загребая сильными руками, Мистина плыл от черных врат назад к живым людям, зная, что справится.

Где-то позади медленно затворялись ворота Нави...

Часть вторая

Трижды звонил Божий колокол в граде святого Константина.

Впервые прозвучал он совсем тихо.

– Послушай, честный отче! – шептала Клавдия, жена медника Иакова. – У меня беда в семье... Мой муж... Стал много пить и все, что заработает за день, несет в корчму. Помолись за меня, чтобы Бог образумил Иакова и послал мир нашему дому и детям!

– Знаю я, жена, отчего в семье вашей нелады, – кивал старец Василий, – твой муж мечтает родить сына, чтобы ему передать имение и мастерскую, а ты принесла ему четвертую дочь...

От старости Василий совсем иссох, а к тому же жизнь, отданная на служение Господу, обходилась с ним без жалости. Сколько раз он бывал избит, подвергнут истязаниям, связан, заточен! Лишь чудом Господней милости можно было объяснить то, что каждый раз он оправлялся и сейчас, когда годы его перевалили за сотню, все еще оставался жив. Полвека назад ему переломали ребра, и он остался кривобоким. Облысевшая голова тряслась. Много раз перебитые пальцы не гнулись и почти не слушались, во рту совсем не осталось зубов – впрочем, старец ел мало, и то один хлеб с водой. Речь из его запавшего тонкогубого рта звучала столь тихо и невнятно, что хорошо ее разбирали только близкие – недавно умершая старица Феодора и Григорий, духовный сын Василия, да еще Константин Варвар, домохозяин.

– Но ведь... – заикнулась смущенная просительница.

Была это уже не молодая, когда-то миловидная, а теперь измученная работой женщина с худощавым лицом и длинным носом. В волнистой черной пряди возле лба, упавшей из-под мафория, белело несколько седых волосков. Чтобы разобрать тихие слова старца, она тянула шею и напряженно вслушивалась.

– Знаю, был у тебя и мальчик, но родился мертвым...

– Но однажды...

– Да, еще один родился живым, но умер в тот же день, даже не дождавшись святого крещения...

– Все правда, отче! – Клавдия, до того крепившаяся, болезненно скривила рот, из глаз потекли слезы. – И я знаю, откуда эта беда! Это все Леонила! Она ведьма! Она проклинает людей... Колдовством наводит болезни и бесплодие... она меня невзлюбила с того случая у цистерны, и всю жизнь меня преследует!

– Все по воле Божьей творится, и никакая злоба людская волю Божью не превозможет, – покачал головой старец. Его морщинистые руки и облысевшую голову покрывали бурые старческие пятна, но глаза под красными веками изливали ровные, ясные лучи. – Испытует нас Господь и бедами земными по милости своей торит нам путь в царствие небесное. Будем молиться, дочь! Нет такого зла, что одолело бы Господню милость. Посещай храм Богородицы Халкопратийской, что в вашем квартале, молись и проси ее помощи. Не пройдет и года, как в награду за благочестие твое и за любовь к Пресвятой Богородице даст тебе Бог не одного, а сразу двух мальчиков-близнецов и сохранит их здоровыми и невредимыми. И принесут сии чада тебе много радости, ибо будут благочестивы, добронравны и трудолюбивы. Один получит в наследство мастерскую отца и прославится меж людей благодаря своему искусству, а другой, освоив книжную премудрость, сделается иноком, а потом клириком, и сохранит его Господь.

– Спасибо тебе, отче! – Клавдия упала на колени и прижала к губам потрепанный край рубища, облачавшего святого старца.

Это было не утешение – утешений она наслушалась, – но истинное пророчество и твердое обещание. Блаженный муж по имени Василий уже много лет жил в Константинополе и был широко известен благодаря своей святой жизни, дару исцеления и прорицания. Знали его и в самой царской семье: августе Елене он пять лет назад предсказал рождение сына, который

воцарится, достигнув совершеннолетия. Отец Елены, василевс Роман, тогда посмеялся, сказав, что теперь знает срок своей смерти, и внука нарек тоже Романом. Виделся с Василием и сам Роман август: призванный в царские палаты, Василий кротко укорял главу христианского мира в корыстолюбии и блудодействе, но Роман и принял укоры не менее кротко и пообещал исправить жизнь свою. Многие позавидовали бы такой близости к богохранимому царскому семейству, однако к мирским благам и мирской чести Василий был равнодушен. От золотых номисм, что дарила ему царица, он отказался, назвав золото тернием, кое неприятно держать в руках, и двери кельи его по-прежнему были открыты для любого недужного или бедняка, кто просил помощи, наставления и утешения.

«Иакова-медника жена просит сына, чтобы муж не пил... – зевая, записывал Федос, раб-писец, сидя за беленой стеной старцевой кельи. – Леонила – ведьма, может наводить порчу...»

Под хитро устроенным звуковым оконцем у него было оборудовано удобное место для письма: столик, восковые таблички – не тратить же пергамент для всей этой бабьей дури, – кувшин разведенного вина и миска с вялеными смоквами.

В Константинополь Василия принесло Господне чудо – в прямом смысле принесло, по волнам. Без малого пятьдесят лет назад патрикий Самон приказал сбросить Василия с плывущего корабля, но два дельфина вынесли его на берег в предместье Константинополя. Здесь он жил сперва в доме некоего Иоанна, но после смерти хозяина и его жены, уже успев немало прославиться, перешел на жительство к другому домохозяину. Вольноотпущенник Константин, родом из Колхиды, по прозвищу Варвар, в Василею РOMEон был привезен еще отроком. Магистр Валериан, его хозяин, через двадцать лет отпустил его на волю, даже дал средства завести торговлю. А уж когда Валериан стал епархом Константинополя, при таком покровителе дела Константина пошли совсем хорошо.

Сейчас Коста Варвар – высокий, грузный мужчина – был уже немолод, седые пышные волосы и кудлатая борода с редкими проблесками изначального черного цвета торчали во все стороны, а широкое лицо с толстым, сильно загнутым книзу носом благодаря коровьему взгляду карих глаз имело туповатое выражение. Но он был не так уж глуп: ему хватало ума хорошо выполнять порученное дело, но не хватало бойкости, чтобы пытаться извлечь из него личную выгоду.

– Потом был Ананий, торговец зерном, просил молиться за сына Филарета, что вечно ссорится с матерью и бабкой, – старец посоветовал сына женить, – докладывал вечером, когда Василий удалился на молитву, хозяину писец Федос, поглядывая в таблички: за день у старца посетителей перебывало много. – Была Антония, вдова кентарха Павла, что погиб при Мелитене семь лет назад – сын у нее подросток, хочет поступить в тагму Схол, и покровитель там есть. Антония спрашивает, отпустить ли сына служить или тоже убьют...

Федос с усилием подавил зевок, крепко зажав рот ладонью.

– Да что ты все зеваешь? – с досадой одернул его Коста, который, глядя на это, сам с трудом удерживался от зевоты.

– Так целый день бормотание слушаю, да бабы причитают – оттого голова болит и в сон клонит, – жаловался Федос.

– А кувшин вина за день кто вытягивает – Георгий Писида?⁹ Оттого у тебя и голова болит. Ну, что там еще?

– Был Трифон, винодел, просил молиться за него ради благополучной дороги, а то он боится плавать, а ему надо ехать на свои виноградники близ Ребы... А, это любопытно!

Федос, невысокий и смуглый, с большим носом армянин, еще молодой и бойкой повадки, стряхнул дрему и взглянул на хозяина: Коста и сам почти спал.

– Что? – очнулся тот, вздрогнув.

---

⁹ Георгий Писида – знаменитый византийский поэт и писатель VII века.

– Трифону старец ответил: ни виноградников, ни винограду не будет на Ребе и в Халкедоне по осени, ибо будет только пепел и прах. Не будет вина ни в Вифинии, ни в Пафлагонии, ни в Никомедии, а только пламень, плач и стоны. Не езди, стало быть.

– Отчего так? – Коста протер толстой рукой слипающиеся глаза.

– Сказал, налетят дикие скифы и поруют все, коли не покроет покровом своим Пресвятая Богородица.

– Скифы? – Коста вытаращил глаза. – Налетят на Халкедон и Никомедию?

– А еще всю Вифинию и Пафлагонию.

Коста поморгал. Федос ждал, ладонью заталкивая зевки обратно в утробу, но их там было столько, что один или другой постоянно прорывались наружу.

– На этом все, – намекнул он. – Дозволишь идти спать? Суров ты ко мне, добрый хозяин: даже рулевые на дромоне сменяют один другого, и только я сижу бессменно у источника мудрости...

Писец перекрестился.

– Ты знаешь что... – Коста задумчиво запустил толстые пальцы в бороду. – Ты спиши мне на пергамент этот кусок – про Ребу и скифов... И прочее. Все, что он сказал. И перечисли – Халкедон, Никомедия... В общем, все.

– Как прикажешь, господин! – Федос поклонился с мученическим видом. – Ведь для того ты и заплатил за меня, недостойного, не по заслугам награжденного Господом умением писать и читать, целых пятьдесят номисм, чтобы я служил тебе без усталы, день и ночь, день и ночь...

Вот чтоб дьявол взял этого Трифона! Теперь вместо заслуженного сна изволь опять заправлять светильник, доставать лист пергамента и выписывать старческие бредни... то есть святые откровения. Федос в душе считал себя куда более достойным святости и мученическа чина, чем старец Василий: тот знай вещает, что Бог на ум пошлет, и горя ему мало, что тут человек за стеной сидит, пишет весь день, будто в рудниках с кайлом трудится...

А ведь знает! Все знает, мудрец кособокий: кто блудит, кто пьет, кто ворует, кто скверну творит содомскую, а кто зло умышляет на жизнь василевсов и думает похитителем власти царской сделаться. Потому, когда скончался Иоанн, исцеленный Василием от трясучей лихорадки, и блаженный остался один в пустом жилье, епарх и велел Константину Варвару уговорить старика поселиться у него. Все сделали как положено: уединенная келья, стол, седалище и светильник, – как для пророка Елисея устроила одна сонамитянка. Много лет прислуживала Василию благочестивая старица, вдова Феодора, но в прошлом году призвал ее Господь, и из этого тоже вышла весьма примечательная история...

Служба, кою несли при честном отце Коста и Федос, была не так заметна, но тоже нужна. Наблюдение и запись: кто пришел, что рассказал, на что жаловался. Среди сетований на здорье, убытки и непочтительных детей, бабьей болтовни о неверных мужьях и завистливых соседках иной раз попадалось нечто дельное: кто ворует из казны, кто клеветает на первых лиц державы... Или правда что-то важное знает? Такой присмотр в столице был учрежден за всеми пророчествующими, и епарх Валериан как-то, в подпитии и в хорошем настроении, обмолвился Константину, что уже пару заговоров раскрыли при помощи блаженных.

Зевая, Федос за полночь переписывал беседу старца с Трифоном. Коста, хоть и лег раньше своего ученого раба, заснул, однако, еще позже. Должность свою, по внешнему виду необременительную, он почитал очень беспокойной. Доложишь о чем-нибудь, очень страшно звучащем – епарх высмеет и выставит дураком. А вот смолчи он о пророчестве насчет скифов – вдруг окажется настоящее дело, да откроется, что старец прорицал, а Коста Варвар утаил? Еще запишут во вражьи пособия...

Наутро Коста решил – как и обычно, – что выглядеть усердным и преданным дураком менее опасно, чем умным и скрытным врагом. Взяв свиток с переписанным разговором о скифах, он пошел к епарху. Сам магистр Валериан еще не вставал, и Коста сдал свиток асикриту.

Оттуда пророчество Василия попало в список городских происшествий за неделю, который секрет эпарха отсылал в секрет паракимомена¹⁰. Паракимомен Селевкий, увидев его, поморщился: блаженный старец все перепутал. Скифы уже нападали – еще в прошлом году, и не на Халкедон и Никомерию, а на владения василевса в Таврии. Виноградники действительно загубили, как докладывал херсонский стратиг Кирилл. Но старцу уже, говорят, сто лет – ему разница между прошлым годом, нынешним и будущим не слишком очевидна.

Что ему текущая суeta! И года не прошло, как Василий ухитрился снарядить Григория, духовного сына своего, в путешествие на тот свет, где Григорий видел новопреставленную старицу Феодору, ныне поселенную Господом в обители, приготовленной для блаженного Василия, беседовал с ней обо всем, что она претерпела, видел столько чудес, что рассказывать о них слишком долго.

Однако что-то не давало паракимомену отбросить свиток и забыть. Внешности он был совсем не представительной: невысокого роста, довольно щуплый скопец лет шестидесяти, с мелкими чертами морщинистого безбородого лица; короткие, но густые черные брови крутыми дугами вздымались от переносицы, и им будто отражением служили резкие, глубокие морщины между крыльями носа и углами рта. Теперь он думал, стуча пальцами по разложенному листу. Уж конечно, василевс Роман помнит заговор Романа Саронита, неудачливого заговорщика. Никто и знать не знал, а именно блаженный Василий пошел и Саронита обличил. «Зачем замыслил злое дело? – так вопрошал он, встретив того на дороге, когда злодей со всей пышностью ехал в Большой дворец. – Не трудись понапрасну, ибо не судил тебе Бог царского жребия, а потрудись лучше, чтобы не потерять того звания патрикия, кое имеешь...»

Сам Бог открыл ему замыслы посягательства на жизнь василевса. Саронит сперва отмахивался, потом велел схватить старца и бить как лжепророка, потом попала ему в лапы и Елена, жена того Иоанна, у кого Василий жил... Елена вскоре скончалась от побоев, а Сарониту приключилась болезнь, так что он и до следствия не дожил.

А уж когда следствие показало, что заговор действительно был, но старец земными путями прознать о нем не мог – вот тогда Роман август и призвал Василия к себе. Ведь тот, подняв шум, спас Роману и жизнь, и власть. Такого не забывают. Когда же скончался больной тот Иоанн, Роман и приказал паракимомену подобрать для старца нового домовладельца, чтобы предсказания, среди коих может оказаться еще что-то полезное, не пропадали даром.

Ну а значит, все, что будет в таком роде обнаружено, надлежит быть доложено. Приняв сие решение, Селевкий послал к Роману августу просьбу о приеме.

* * *

Миновал полдень. Солнце припекало, так что под хазарским кафтаном становилось жарко. А ведь еще весна не кончилась – в разгар лета будет еще и не то! Хельги Красный, сводный брат киевской княгини Эльги, безвылазно провел на теплых морях уже без малого год. В начале прошлого лета он пришел на Греческое море с дружиной на двадцати лодях, со своей молодой женой Пестрянкой – Фастрид, как он называл ее, – и тремя купцами-жидинами, чью охрану русы изображали. А следом двигалось войско под началом двоюродного брата Асмунда, кому они и открыли доступ в город Самкрай – западные ворота каганата. Делалось это все ради мира и нового договора с греками, что пытались отбить у кагана свои давние владения в Таврии. А кончилось жестокой ссорой Хельги и Асмунда с херсонским стратигом и совершенно неожиданным договором с булшицы Песахом – хазарским военачальником, что пришел в Таврию биться с греками и русами.

---

¹⁰ Секрет – канцелярия. Паракимомен – буквально старший спальник, но по сути одна из первых должностей государства.

У Песаха в Карше Хельги и его дружина провели зиму. Там весной родился первый сын Хельги, и сейчас Пестрянка с ребенком оставалась на попечении Песаховой жены, госпожи Йохевед.

Лодка шла по мягким синим волнам, пронизанным солнцем. Уже остались позади высокие, в пять-шесть больше человеческого роста, стены Херсонеса, сложенные из обтесанных глыб грязно-белого известняка. В море напротив стен и входа в бухту, загороженную железной цепью, стояли десять лодий Хельги. Таково было условие их соглашения с Песахом: вместе идти нынешним летом на Херсонес, с тем чтобы конница Песаха осаждала его со стороны суши, а лодьи Хельги отрезали от моря и не позволили ни послать весть в Царьград, ни получить помощь с воды. Дружины на лодьях сменялись: одни стояли на якоре и несли дозор, другие отдыхали на берегу. Каждый день при смене дозора Хельги сам выходил в море, осматривал стены. Все на тех же местах блестели шлемы Кирилловой стражи, виднелись йотуновы поделки – стрелометы и камнеметы. Прошлым летом с их помощью Хельги и комит Леонтий отстояли от конницы Песаха перевал, теперь они же не подпускали к стенам. Собственные суда стратига прятались в дальнем конце бухты, вне досягаемости; однако Хельги держал в уме, что Кирилл может попытаться выпустить их в море и дать бой.

Дромон у Кирилла был всего один. Хельги видел это чудовище издалека, но даже на расстоянии разглядел: тот весьма плох и едва ли сможет выйти в плавание, а тем более в бой. Но три хеландии выглядели годными, и они были крупнее лодий и выше бортом. Сражаться с ними можно было, рассчитывая на численное превосходство. И что-то в глубине души толкало Хельги надеяться, что Кирилл так и поступит. С греками он никогда еще не сталкивался на воде, и хотелось испытать свои силы.

Городские стены кончились, за ними пошли предместья – каменные и глинобитные домишки под тростниковыми и черепичными крышами, среди зелени садов. В эту пору солнце еще не выжгло зелень на сухой каменистой земле, и было даже непривычно видеть долины не желтые и бурые, а под пышным ковром растительности – с синими, розовыми, лиловыми цветами. Иные плодовые деревья у каменных выщербленных стен еще цвели, ветки их кипели белой пеной лепестков. После ночного дождя цветы благоухали так, что хотелось пить воздух большими глотками, и от него кружилась голова, как от вина.

Глядя на цветы, Хельги все время вспоминал Пестрянку. Когда он впервые с ней встретился, она уже носила убор замужней женщины, но при виде цветущих яблонь он невольно воображал ее в венке из таких цветов на русых волосах. Не так давно отцвели маки: в ту пору все эти склоны были залиты алым огнем с проблесками голубых глазков льна, и при виде их Хельги тоже мерещилась Пестрянка. Удивительное дело: первые двадцать пять лет своей жизни он не замечал никаких цветов. А теперь, в последние два года, стал замечать: как будто жена, войдя в его сердце, неплотно притворила за собой дверь и туда теперь по ее следам тянулись все новые посланцы красоты.

Лодка подошла к русскому стану в прибрежной долине. В полосе прибоя под ногами хрустели черепки. Каждый раз, выпрыгивая на песок, Хельги жалел, что ни в шатре, ни у костра не увидит Фастрид – ее выпуклый лоб, милый немного вздернутый нос, сосредоточенное выражение, придающее суровость юному лицу. В прошлом походе она была с ним, и оттого пустая долина становилась похожей на дом, а кострище на песке среди камней – на родной очаг. Тогда он беспокоился, как бы с ней чего не случилось, а теперь те дни в воспоминаниях казались ему прекрасными. Но идти в военный поход с новорожденным ребенком было уж слишком неразумно. И госпожа Йохевед отказывалась ее отпустить, и сама Фастрид сомневалась, что ей стоит это делать. Хельги оттягивал выход до ее родов, чтобы узнать, чем кончится, и к тому дню, как он вывел дружину к лодьям, жена едва начала вставать.

Вместо жены у шатра Хельги встретил Ольвид, из числа его старых хирдманов.

– От хазар вино привезли.

Хельги кивнул, расстегнул пояс, усаженный длинным рядом серебряных бляшек, снял кафтан, вытер рукавом мокрый лоб. В сорочке и хазарской «ушастой» шапке, прикрывавшей лоб и шею от палящего солнца, пошел за Ольвидом смотреть привезенное. У них с Песахом было условлено делить добычу сообразно численности дружин, и Хельги получал десятую часть всего, что Песах захватывал в окрестностях Херсонеса: зерно, скот, сушеные смоквы. Соленую рыбу тоже тот предлагал, но ее русы не брали – каждый день ловили в море свежую. Зато жареную свинину ели каждый день – Песах присылал им всех захваченных у поселян свиней, ибо самим хазарам те в пищу не годились. Взамен они забирали почти всех лошадей. Присылали пленниц, и в русском стане набралось уже голов двадцать молодых баб и девок: теперь именно они крутились у костров, доили коз и делали сыр, стирали сорочки на ручье. Русы почти обжились под серовато-белыми известняковыми стенами Херсонеса. Но Хельги каждый день этого стояния делался все мрачнее и мрачнее.

– Сгоняй к хазарам, узнай, желает ли Песах со мной повидаться, – велел он своему отроку, Тови. – Я бы подъехал.

Тови взял лошадь – из подаренных Песахом для удобства сообщения – и отбыл в хазарский стан. Песах привел с собой войско из пяти тысяч всадников, они осадили разом три греческих города в феме Херсонес, но сам булшицы находился здесь, возле главного города, где засел стратиг. Две тысячи Песаховых всадников со своими шатрами, захваченными стадами, пленниками из сел и предместий, с лошадьми требовали много места, и теперь хазарские кони паслись на полях и лугах, в виноградниках, в садах.

В поход шли только воины, а не кочевья. Однако Хельги, проезжая через занятые главным станом сады, оглядывался вокруг и думал, что, наверное, кочевье выглядит вот так. Везде виднелись войлочные вежи, пасущиеся лошади, мелкий скот, занятые всякими работами пленники – мужчины и женщины.

Для поездки Хельги вновь облачился в хазарский кафтан из льна с отделкой красно-желтым шелком во всю грудь, в такую же шапку. Хазарские кафтаны, только поскромнее, носили и его люди. Вот сапоги у них не приживались: верхом русы ездили мало, а в черевьях было не так жарко. За год под южным солнцем все загорели, у самого Хельги лицо приобрело красновато-бронзовый оттенок, и его родимое пятно на лице и шее стало едва заметно. Издалека Хельги и его люди почти не отличались от кочевников – разве что более густыми бородами светлых оттенков и менее ловкой посадкой в седле.

Вежа Песаха, куда провели Хельги, была намного удобнее самого лучшего шатра – настоящий дом, только круглый. Стены из толстого войлока не пробивал ни ветер, ни дождь, а главное, ее можно было отапливать – посередине устраивали очаг, разводили огонь, и дым уходил через отверстие в крыше. Отверстие можно было делать поменьше или побольше, впуская яркий свет. А вежа Песаха к тому же была богата, ровно княжья гридница: на земле ковры поверх кошм, на стенах тоже ковры и дорогое оружие, везде блестящая посуда – медная, бронзовая и серебряная. Там, где стены вежи переходили в свод, тянулась тканая узорная полоса шириной в три пяди. Были даже настоящие двери из резного дерева, пусть низкие, но с косяком и порогом. Не было только скамей, хозяин и гости садились прямо на коврах. Места, как и в гриднице, распределялись по старшинству и знатности.

Хозяйство вели собственные Песаха рабы и рабыни, взятые в дорогу. Расстелив на полу красивую скатерть, подали угощение: вареную баранину, напиток из кислого молока, свежие лепешки, вяленые смоквы. Хельги уже не раз сиживал здесь и знал весь порядок. У жидинов не принято ради вежливости обнажать голову, поэтому оба собеседника сидели в шапках. Достопримечательный Песах, низкорослый и крепкий хазарин лет пятидесяти, принимал Хельги приветливо и всегда охотно с ним беседовал.

За неполный год Хельги начал и сам разбирать хазарскую речь, но для содержательной беседы они еще нуждались в помощи толмача, для чего Хельги возил с собой Синая – молодого

жилина родом из Киева. За год в русской дружине тот обжился, выучился владеть копьем и секирой, даже почти перестал сутулиться, как дома, и теперь ничем не отличался от прочих хирдманов и отроков. Лишь носил на одежде четыре кисточки из голубых шелковых нитей, о смысле коих рассказывал такую смешную повесть – про одного мужа, что поехал за море к самой знаменитой блуднице, – что отроки чуть не всякий вечер просили повторить и заранее начинали смеяться в любимых местах.

– Сдается мне, я никогда еще не проводил время так приятно – в таких теплых и красивых землях, среди вкусной еды и с таким умным собеседником, – заметил Хельги. – Но порой мне кажется, не слишком ли долго я наслаждаюсь всем этим и не стыдно ли мне так хорошо жить, когда мой родич и вождь, князь Ингвар, уже выступил в поход и готовится к встрече с греческими войсками.

– Но мы уже встретились с врагом, и не наша вина, если стратиг предпочитает отсиживаться за стенами, а не выйти в поле и сразиться с нами, – усмехнулся Песах.

– Вина как раз наша, – улыбнулся в ответ Хельги. – Нас уж очень оказалось много.

– Но мы ведь не проявляем неразумного упрямства. Мы назначили ему сумму выкупа и готовы уйти немедленно, как только ее получим.

– А что, если Кирилл будет упрямитесь до зимы?

– Значит, мои кони съедят все его виноградники.

– Я вот что подумал... – Хельги взглянул на Песаха. Он догадывался, что его мысль собеседнику не очень понравится, но больше тянуть было нельзя. – Пока мы стоим здесь вдвоем, Кирилл видит наше преимущество и потому уклоняется от боя. А в это время моему князю, возможно, уже не хватает тех людей, кого я обещал ему привести. Я уверен, он давно покинул Киев со своим войском и направляется к Кустантине.

Песах нахмурился и пристально взглянул на него.

– Моя поддержка на море тебе больше не нужна, – продолжал Хельги. – Даже если Кирилл сейчас отправит в Кустантину весть о войне, ему уже не пришлют помощи. Роман будет озабочен защитой собственных земель, окрестностей собственной столицы. Но и ты от моего ухода можешь выиграть. Когда Кирилл увидит, что осаждающих стало меньше, он может осмелиться на вылазку. И тогда уже исход схватки решат ваша доблесть и воля Божья. Оставаясь здесь, я скорее мешаю тебе одержать победу, чем помогаю.

– Одним словом, ты хочешь меня покинуть? – Песах поставил серебряную чашу на кошму и подался ближе к нему.

– Я не хочу этого, но мой долг призывает меня служить моему вождю и господину. Ты видишь, я выполнял свои обязательства перед тобой, пока это приносило пользу. Но теперь я должен исполнить свой долг перед Ингваром, моим родичем и князем. Надеюсь, ты поймешь меня, и мы расстанемся друзьями, чтобы с радостью встретиться снова.

– Я обдумую это, – подавляя вздох, ответил Песах. – Я-то надеялся, что мы с тобой на общем пиру отпразднуем нашу победу.

– Так и было бы, если бы нам удалось занять Херсонес с наскока. Тогда в нем нашлось бы достаточно добычи, чтобы разделить и праздновать. Но выкуп будет меньше добычи, и твои люди останутся недовольны, если их доля уменьшится ради моей. Пусть все это достанется хазарам, а мы поищем себе другой добычи поближе к Кустантине.

– Я обдумую это, – повторил Песах.

– Надеюсь, что ты, все основательно взвесив, примешь мудрое решение. И я ему подчинюсь, ведь твою дружбу я считаю сокровищем превыше любой добычи.

Хельги вежливо склонил голову, как младший по возрасту. Родом он превосходил Песаха, числом войска уступал, но главное, очень нуждался в нем как в союзнике и стремился во что бы то ни стало сохранить добрые отношения. Дружба Песаха составляла его главную силу – не только в Таврии, но и в Киеве, что было, пожалуй, еще важнее.

* * *

– Они собирались нас обмануть с самого начала, – рассказывал Ингвар, играя поясным ножом: тот крутился в воздухе и втыкался в песок.

Они с Бояном сидели на кошме перед княжеским шатром. Невдалеке еще чернели широкие кострища от вчерашнего погребального пира, отроки бродили, собирая кости и прочие объедки: Ингвар велел закопать, чтобы не привлекать мух, чаек и лис. Море лежало у них за спинами, на вид мягкое и блестящее, словно голубой шелк с золотой нитью солнечных бликов. С трудом верилось, что минувшей ночью в этой голубизне открылись черные ворота Нави и проглотили пылающий корабль мертвых.

– Все это была чухня с самого начала, а не договор, – раздосадованный воспоминаниями, продолжал князь. – Дескать, вот вам золота мешок, снаряжайте войско, захватите у хазар Самкрай, берите что хотите, все будет ваше, только город разорите, чтобы стало пустое место. Ну, а мы ж им не дураки: если Самкрай разорить, то бобров своих сбывать останется только грекам, и они какую цену захотят, ту и дадут. Хельги Красный так и сделал: город взял, добычу забрал, заложников забрал и в Таврию назад ушел. А тамошний стратиг ему и говорит: ты откуда такой приткий? Вам надо было Самкрай осаждать до зимы, а не заходить туда и христиан в полон брать. За епископа, видишь ли, разобиделся, а ему и не сделали ничего. Совсем ничего! – выразительно уточнил Ингвар, сам почти удивленный добротой шурина. – Они, морды хитрые, думали, наши под Самкраем до зимы простоят, или Хашмонай туда вернется, свой город спасать, и им под Каршой легче будет. А как Хельги в Таврию пришел с добычей и епископом, стратиг и говорит: вы условие не выполнили, золото наше зря потратили, отдавайте теперь нам половину добычи. Какую, йотуна мать, половину? Когда уговаривались, четко было сказано: все ваше. Асмунд там был и с ними говорил, сами же они сказали...

– Прости, – Боян поднял руку, – «они» – это кто? Кто вел переговоры от греков? Твой шурин виделся с самим Романом?

– Нет, с Романом он вроде как ни разу не виделся, да, Све... – Ингвар огляделся, по привычке ожидая помощи от побратима.

Но того сейчас не было среди приближенных и гридей, сидевших и лежавших вокруг на песке. Мистина еще спал, хотя время приближалось к полудню. Ингвар уже дважды посылал Колояра проверить «как он там», желая услышать одно – «дышит». Долгим, очень долгим князю вчера показалось то время, пока он ждал, мокрый по пояс, над самой полосой прибоя, и глядел, как удаляется и постепенно гаснет вдаль пламя над морем. Даже успел пожалеть, что согласился на обряд огненной лоды. Они с Мистиной росли и всему учились вместе, однако Ингвар понимал: ум и хитрость побратима ведут в такие дали, куда ему, хоть он и князь, за ним не поспеть. И именно потому так тревожился, что знал: в этой тьме, куда Мистина лезет с такой охотой, он ему не сумеет помочь.

Вот появились из воды отроки Мистины – один, второй, еще трое... В мокрых портах они выходили на берег и садились на песок, устремляя взгляд в ночное море. И после того как вернулись все двенадцать, время ожидания потянулось еще медленнее. Каждый вдох ложился на сердце камнем.

И сейчас еще Ингвар содрогался, вспоминая обнаженного беса, что в конце концов вышел, слегка покачиваясь, из воды, кивнул ему, забрал торсхаммер, надел на шею и пошел к своему стану, выжимая воду из длинных волос.

– А встречался он с мужиком... – Ингвар с усилием вернул свои мысли к прошлогодним переговорам в Царьграде, – то есть он и не мужик, а это... Мужебаба. Звали его Хован... Фофан... Не помнишь, Гримкель? Надо Вермунда спросить, он там был.

– Может, Феофан? – предположил Боян.

– Точно. А тебе откуда знать?

– Патрикий Феофан давно уже славится умением говорить с варварами. Он ведет все Романовы дела с нами, с уграми, с печенегами, теперь вот и с вами. Он устраивал брак Петра с Ириной, а лет семь назад вел переговоры с кочевниками, когда те наводнили своими ордами Фракию и явились к Боспору Фракийскому.

– Через ваши земли? – Ингвар поднял брови.

– Ну не по воздуху же.

– А Петр с дружиной что?

– Мой брат молился, чтобы они прошли, не слишком разорив наши земли. Посылал им дары.

– И все? – Ингвар засмеялся. – Он всегда такой смирный?

– И чего мы так долго ждали? – воскликнул Тородд, который полулежал на кошме, опираясь на локоть. – Ингвар, может, нам у царя уже дары приготовили, столы накрыли?

– Девоч нагнали... – буркнул Сигват.

– Тогда моему брату Печо приходилось быть миролюбивым, – пояснил Боян. – Он был царем болгар уже лет семь, но за это время дважды поднимали восстания против него...

– Кто поднимал? – Ингвар подался ближе.

– Наши братья, – с неохотой ответил Боян и невольно глянул на Тородда. – Сперва Мишо, потом – Ивко. Многие боилы и багаины выступали на их стороне. И сейчас еще есть много недовольных тем, что Печо, как они говорят, стал греком.

– Это христианином, что ли?

– Все наши родовитые люди давно христиане, со времен Бориса, моего деда. Но многие недовольны, особенно из числа славян, что из Болгарии пытаются сделать другую Романию, управлять ею по ромейскому образцу, отменив все старинные обычаи и славян, и болгар. Мой брат в Великом Преславе собрал вокруг себя бояр, жалует им дары, что ему присылают василевсы, раздает им должности, каких у нас никогда не ведали, и оделяет их из казны. Народ принужден выполнять волю царевых мужей, а люди издавна привыкли править собой при помощи веча. Эти перемены очень опасны, и лишь глупец не поймет почему.

– Почему? – почти с жадностью спросил Ингвар.

Он убедился, как важно уметь вести дела с греками, а Боянов род имел в этом опыта на несколько столетий больше.

– Когда-то греки владели всей нашей страной до Дуная и до сих пор считают Дунай северной границей своей державы. А наши земли – своими, временно подпавшими во власть варваров. У них всегда так: земли, однажды завоеванные, они считают своими по праву навсегда, как бы дело ни обернулось дальше. Каждый василевс приглядывается, не пора ли вернуть северную границу к Дунаю. И переделывать болгарские обычаи на греческие – значит подготавливать пашню для возврата страны под руку василевсов. Но самим Печо управляют греки – он вынужден им подчиняться, потому что его власть держится на них. Но и в них он не может быть уверен. Наш брат Ивко живет при василевсах в Царьграде. Его увезли туда после его восстания, обещали держать в узилище, чтобы он не мог больше вырваться на свободу и вновь собрать войско. Печо поверил грекам, а они обманули. Ивко вовсе не держат в узилище, ему дали жену из семьи родовитых армян, богатый дом и хорошее содержание.

– И что? – Ингвар слушал с увлечением, но не все понимал. В Русской земле держава и дружина были почти еще одно и то же, а здесь – уже нет, и он не сразу мог охватить умом здешнее устройство власти. – Хорошо же!

– Мне бы царь дал дом и жену знатную, – проворчал Сигват. – Я бы не жаловался.

– Гречанку тебе найдем красивенькую! – обнадежил двоюродного брата Тородд, хлопая того по спине.

– Если Печо сделает что-то против воли греков, они сместят его с престола и посадят взамен Ивко. И у них есть право это сделать, потому что Печо женат на Иринке, внучке Романа. Он их родич, он входит в их семью, а значит, все, что принадлежит ему, принадлежит также и его тестю... деду жены, словом, главе семьи, а это – Роман. Не сватайся к дочерям василевсов, даже если одержишь победу над ними, – усмехнулся Боян. – Взять такую жену – получить не просто врага в собственном доме, но чужую руку на своем горле.

– Я и не собираюсь, – проворчал Ингвар. – У меня княгиня есть, мне другой не надо.

– Но ты ведь не крещен, тебе можно иметь несколько жен... – начал Боян, однако заметил, что Ингвар его не слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.